

**О ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ В АРАБСКОМ МИРЕ
(на примере Алжира и Марокко)**

Проблемой, не терявшей своей остроты в течение всей второй половины XX в. и перешедшей в XXI в., является проблема бедности. С середины прошлого столетия она находится в центре внимания ведущих международных организаций. Первая декада развития ООН, стартовавшая в 1961 г., имела главной целью финансирование программ, направленных на ликвидацию бедности, в связи с чем было высказано пожелание к наиболее развитым странам мира выделять 1% своего национального дохода в виде помощи развивающимся государствам.

В конце 60-х годов специальным комитетом при Всемирном банке был подготовлен доклад, в котором анализировались проблемы развития мирового хозяйства в 50–60-е годы. Особое значение в нем придавалось человеческим ресурсам как главному фактору успешного развития, в частности, ликвидации безработицы и недооказания, совершенствованию образования, а также более справедливому распределению доходов. Рекомендации этого доклада легли в основу стратегии Второй декады развития ООН.

В 70-е годы в центре внимания оказались два аспекта проблемы развития и тесно связанной с ней проблемы ликвидации бедности – новый мировой экономический порядок и диалог между Севером и Югом. В опубликованном в 1978 г. Всемирным банком первом Докладе о мировом развитии подчеркивались две основные цели, стоящие перед человечеством, – ускорение экономического роста и ликвидация бедности. Специальный комитет, организованный при Всемирном банке для оценки итогов развития в 70-е годы и выработки стратегии на 80–90-е годы, подчеркнул важность таких задач, как поддержка самых бедных стран, ликвидация голода и достижение продовольственной безопасности, а также совершенствование экономического управления в развивающихся государствах.

С конца 70-х годов решение проблемы бедности становится приоритетным направлением деятельности основных международных организаций. Это нашло свое отражение в стратегии Третьей декады развития ООН, провозгласившей конец XX в. последним сроком для ликвидации бедности, голода и безработицы во всемирном масштабе. Однако в 80-е годы в большинстве развивающихся стран наблюдалось сокращение темпов экономического роста, разразился долго-

вой кризис, результатом которого стал обратный отток финансовых ресурсов из слаборазвитых государств в промышленно развитые. Это привело к снижению уровня жизни и возрастанию числа бедных, численность которых к началу 90-х годов достигла, по некоторым оценкам, 1 млрд. человек, или одной пятой населения мира.

В этих условиях осуществлялась выработка стратегии Четвертой декады развития ООН. Основными ее целями были провозглашены ликвидация крайней нищеты и улучшение качества человеческих ресурсов, а также охрана окружающей среды. Подчеркивалось значение связи между ускорением экономического роста и прогрессом в социальной сфере. Одновременно вышел в свет Доклад Всемирного банка за 1990 г., в котором решение проблемы бедности объявлялось фундаментальной целью экономического развития. По мнению специалистов банка, ее решение должно было базироваться на двух основных условиях: обеспечении полной занятости населения и развитии социальной сферы, в частности, образования и здравоохранения.

Поскольку более 80% бедных во всем мире проживает в сельской местности, особое внимание уделялось изучению причин и характеристик этого феномена среди сельского населения. Этой теме было посвящено опубликованное в 1992 г. исследование Международного фонда сельского развития. Ликвидация бедности также стала одним из основных вопросов, обсуждавшихся на Всемирном саммите по социальному развитию в Дании, прошедшем в 1995 г. Главы государств пришли к решению объединить усилия на национальном и международном уровнях с целью борьбы с бедностью и ликвидации ее причин. Кроме того, 1996 г. был объявлен ООН годом борьбы с бедностью.

В сентябре 2000 г. главами государств и правительств 147 стран была принята Декларация тысячелетия ООН, в которой решение таких насущных проблем человечества, как бедность, голод и недоедание, массовые заболевания (СПИД, туберкулез), переносилось на XXI век. В ней также провозглашались необходимость развития образования, повышение роли женщины в обществе и гарантирование равных прав для обоих полов, защита окружающей среды. Была разработана система из 48 конкретных показателей, призванных отразить существующее положение и возможный прогресс в решении поставленных задач для отдельных стран. Значительная часть этих показателей характеризует различные аспекты и проявления бедности. К 2015 г. намечено, например, сократить в два раза долю населения, живущего за чертой бедности, количество детей в возрасте до 5 лет, имеющих недостаточный вес, удельный вес лиц, не обеспеченных питанием достаточной калорийности; охватить начальным образованием 100% детей, ликвидировать полностью неграмотность среди мужчин и женщин в возрасте до 24 лет, на две трети снизить смертность среди детей младше 5 лет, увеличить в два раза численность

населения, имеющего доступ к чистой питьевой воде и многое другое. Мониторинг программы будет осуществляться путем подготовки ежегодных отчетов по всей системе показателей на страновом, региональном и глобальном уровнях.

Очевидно, что несмотря на все усилия мирового сообщества, бедность остается одной из главных проблем человечества в XXI в. Достаточно отметить, что в настоящее время около 1,3 млрд. человек в мире находятся за чертой бедности (т.е. вынуждены тратить на жизнь менее 1 долл. в день), еще 1,6 млрд. существуют менее чем на 2 долл. в день.

Феномен бедности имеет много аспектов, поэтому при его изучении и попытках количественного определения параметров явления возникает ряд трудностей, к тому же оценки различных источников, международных и национальных, часто заметно различаются. Лишь по немногим территориям имеются сравнительно однородные показатели. Регион Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки выглядит достаточно благополучным на фоне остального развивающегося мира, поскольку здесь всего 5% населения находится за чертой бедности [1]. Однако, по мнению специалистов Программы развития ООН, если в период «нефтяного бума» (1972–1980 гг.) здесь наблюдалось снижение уровня бедности, то с начала 80-х до середины 90-х годов, напротив, происходило увеличение как абсолютной численности бедных, так и их доли в общем населении. Помимо экономических причин (динамика нефтяных цен, резкое увеличение, а затем снижение трудовой миграции из ряда арабских государств в страны Персидского залива), на этот процесс повлияло вовлечение отдельных стран в вооруженные конфликты и военные действия.

Об уровне бедности косвенно свидетельствуют такие показатели, как размер ВВП на душу населения, степень неравномерности в распределении доходов между отдельными группами населения, уровень безработицы, неграмотности, обеспеченность медицинскими услугами и пр. Наряду с этим разработан и ряд комплексных показателей, учитывающих сразу несколько характеристик. Одним из них, например, является «индекс бедности», подсчитывающийся на основе учета доли населения, умирающего в возрасте не старше 40 лет, удельного веса неграмотных среди взрослого населения, доли лиц, не обеспеченных чистой питьевой водой и медицинскими услугами, а также удельного веса детей в возрасте до 5 лет, страдающих от недоедания. Другой показатель – «индекс человеческого развития» (ИЧР) – подсчитывается как среднеарифметическое трех величин: ожидаемой продолжительности жизни, образовательного уровня (учитывающего грамотность среди взрослого населения, а также долю лиц, получающих начальное, среднее и высшее образование) и подушевого ВВП. ИЧР прямо не отражает неравномерность в распределении доходов, однако обнаруживает тесную корреляцию с этим

показателем. ИЧР может изменяться от нулевого значения (низкий уровень человеческого развития) до единицы (высокий уровень). Среди развивающихся стран наиболее низкими значениями ИЧР отличаются африканские и некоторые азиатские государства, тогда как, например, большинство стран Латинской Америки имеет более высокий ИЧР. Среднее значение показателя для развивающихся стран возросло с 0,62 в 1975 г. до 0,73 в 1998 г. Однако порядок расположения стран, по мере возрастания показателя изменился за этот период очень незначительно. В арабском мире примером государств с низким ИЧР могут служить Йемен (0,45) и Судан (0,48); с высоким – Саудовская Аравия (0,75) и Кувейт (0,84). В 1975 г. Марокко входило в группу государств с низкими значениями ИЧР (менее 0,5), а Алжир – в группу стран со средней величиной показателя (0,5–0,7). В 1998 г., несмотря на увеличение ИЧР в среднем на 0,15, они остались в этих же группах [2].

При анализе проблемы бедности необходимо рассматривать три ее основных аспекта – экономический, социально-демографический и географический. К первому относится связь между экономическим ростом и увеличением или снижением доли бедного населения страны. На первый взгляд представляется, что здесь существует прямая зависимость и быстрый экономический рост должен непременно способствовать сокращению удельного веса лиц, находящихся за чертой бедности. Однако проведенные выборочно специалистами ООН в ряде развивающихся государств исследования показали, что в трех странах наблюдались высокие темпы роста ВВП и снижение бедности; в 9 странах, где имело место сокращение ВВП, одновременно фиксировалось и увеличение бедности; но в 21 государстве с положительными темпами роста ВВП очевидного снижения бедности не было достигнуто. По мнению представителей Всемирного банка, в 88% случаев экономический рост не способствует уменьшению бедности. А по данным Программы развития ООН, в странах со средними и высокими показателями экономического роста в 59% случаев наблюдалось сокращение числа бедных, в 41% – их увеличение [3]. Таким образом, очевиден вывод, что быстрый экономический рост не ведет автоматически к решению проблемы бедности. В связи с этим была выдвинута концепция «роста в интересах бедных», условиями которого являются: преимущественный рост в тех секторах экономики, где сосредоточена основная часть бедного населения; создание условий для участия бедных в экономической жизни и их самореализации; развитие человеческих возможностей (образование, здравоохранение и пр.) для бедных.

В последней трети XX в. в Алжире и Марокко наблюдались следующие темпы экономического роста: наиболее высокими они были в 1975–85 гг. (5,8% в Алжире и 4,8% в Марокко); в 1985–90 гг. произошло их заметное снижение в Алжире (до 0,2%), в Марокко они сохра-

нились примерно на предшествующем уровне (4,4%); в 1990–95 гг. экономический рост был довольно медленным в обеих странах (0,4% в Алжире и 1,0% в Марокко). В 1999–2000 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили 2,1% в Алжире и 2,2% в Марокко [4]. Вместе с тем в обеих странах происходило увеличение доли населения, находящегося за национальной чертой бедности [5]: в Алжире с 12,2% в 1988 г. до 22,6% в 1996 г., в Марокко – с 13,1% в 1991 г. до 19,0% в 1999 г. [6].

В настоящее время в обоих государствах отмечается некоторая стабилизация экономической ситуации. Инфляция в 2001 г. составила 0,1% в Алжире и 1% в Марокко, внешний долг за 1999–2001 гг. сократился в Алжире с 28 до 25 млрд. долл., а расходы на его обслуживание в 2001 г. были равны 19,6% от экспорта товаров и услуг в Алжире и 25,9% – в Марокко. По показателю ВВП на душу населения в 2000 г. Алжир несколько превосходил Марокко (1.725 долл. и 1.228 долл. соответственно) [7].

Среди основных направлений в борьбе с бедностью в экономической сфере, помимо ускорения экономического роста, следует назвать упоминавшееся выше приоритетное развитие тех секторов экономики, в которых сосредоточено основное количество лиц, живущих за чертой бедности. Как и в большинстве развивающихся стран, в Алжире и Марокко таким сектором является сельское хозяйство. Удельный вес этой отрасли в обеих странах невелик (10,3% в Алжире и 14,9% в Марокко в 1997–2001 гг.), однако в сельской местности проживает значительная часть населения – 43–45%. Доля бедных среди сельских жителей заметно выше, чем среди городских: в Алжире с 1988 г. по 1996 г. удельный вес лиц, живущих за чертой бедности, возрос с 7,3% до 14,7% в городах и с 16,6% до 30,3% в сельских общинах; в Марокко с 1989 г. по 1999 г. доля бедных увеличилась с 7,6% до 12% среди городского населения и с 18% до 27,2% среди сельских жителей [8]. Таким образом, до трети населения деревень в обеих странах находится за чертой бедности, что требует особого внимания правительств и международных организаций именно к проблемам развития сельского хозяйства.

Другой крупный блок связанных с бедностью проблем лежит в социально-демографической сфере. Это разделение достаточно условно, поскольку достижения в социальной сфере непосредственно зависят от прогресса экономики. В 1990–2000 гг. естественный прирост населения в Алжире и Марокко составлял 1,9% и 1,8% соответственно и был несколько выше среднегодовых темпов экономического роста за тот же период. Наблюдалось некоторое увеличение ожидаемой продолжительности жизни – в 2000 г. эта величина составила 71 год в Алжире и 67,5 лет в Марокко (в 1990 г. эти показатели были равны 66 и 62 годам). Фертильность (количество рождений, приходящихся на одну женщину) за 1997–2000 гг. несколько сократилась – с

3,6 до 3,2 в Алжире и с 3,1 до 2,9 в Марокко. Наблюдалось также некоторое снижение младенческой смертности. Однако она все еще остается довольно высокой – 46,6 на тысячу родившихся детей в Марокко и 33,3 в Алжире (средний показатель для региона Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки равен 35). Происходит небольшое сокращение удельного веса неграмотных среди населения старше 15 лет, но их доля все еще очень высока, особенно среди женщин. Так, в Алжире в 2000 г. доля неграмотных составила среди мужчин старше 15 лет 23,8%, среди женщин той же возрастной категории – 42,9%, для Марокко соответствующие показатели были еще выше – 38,2% и 63,9% [9]. С 1990 г. по 1995 г. повысилась средняя калорийность питания населения: с 2944 до 3035 кал./чел. в день в Алжире и с 3031 до 3140 кал./чел. в день в Марокко.

Вышеперечисленные данные косвенно свидетельствуют о низком жизненном уровне значительной части населения Алжира и Марокко, причем по ряду показателей (средняя продолжительность жизни, младенческая смертность, уровень неграмотности) Марокко отстает от Алжира. Несмотря на некоторые положительные тенденции, по этим признакам проблема бедности остается весьма актуальной для указанных стран.

Особое значение для анализа проблемы бедности имеет уровень безработицы. Не имея постоянной и достаточно хорошо оплачиваемой работы, человек оказывается не в состоянии удовлетворить свои основные нужды в питании, жилье, одежде, медицинской помощи и образовании, а также содержать семью и растить детей. В Алжире и Марокко в 2000 г. удельный вес безработных составил соответственно 29,8% и 27% (для сравнения: аналогичный показатель для Египта равен 11,5%, для Туниса – 15,6%) [10]. Несмотря на усилия правительств этих государств по созданию новых рабочих мест, почти треть населения не имеет постоянного заработка.

В географическом плане бедность имеет довольно четкую локализацию. Исторически территориальная структура хозяйства Алжира и Марокко складывалась таким образом, что наиболее развитые в экономическом отношении районы располагались вдоль побережий Средиземного моря и Атлантического океана. Внутренние территории, лежащие в полупустынной и пустынной зонах, являются их антиподом и наиболее трудны для освоения. В них можно заниматься лишь экстенсивным сельским хозяйством, преимущественно скотоводством (за исключением отдельных оазисов), а также добычей полезных ископаемых. Эти районы, находящиеся юго-восточнее хребтов Высокого Атласа в Марокко и к югу от Высоких плато в Алжире, до настоящего времени располагают отсталой инфраструктурой и сравнительно редко населены, а подавляющая часть их населения живет в нищете. Миграция сельских жителей в города способствует росту бедных и среди городских жителей.

В результате выборочных страновых обследований, проведенных в 90-е годы в арабском регионе, появилась определенная возможность сделать общие выводы относительно основных характеристик бедного населения.

- в среднем в регионе от бедности страдает около четверти населения, причем удельный вес лиц, живущих в нищете, выше в странах, вовлеченных в военные конфликты и вооруженные действия;

- наблюдается тесная зависимость между уровнем бедности и средним размером семьи, при этом первый показатель возрастает по мере увеличения количества членов семьи. Среди бедного населения выше значения фертильности и смертности, ниже средняя продолжительность жизни;

- бедное население имеет низкий образовательный уровень, для него характерна высокая степень неграмотности. Обнаруживается рост числа заболеваний среди бедных, снижение количества и качества доступных медицинских услуг;

- в структуре расходов населения, живущего в бедности, относительно высока доля расходов на жилье. Вместе с тем качество жилья, оцениваемое по таким показателям, как наличие чистой питьевой воды и канализации, низкое;

- среди бедных категорий наиболее распространены безработица и неполная занятость.

Эти характеристики свойственны как для населения сельской местности, так и для городских ареалов.

Если всеобщая цель – снижение уровня бедности – уже давно признана жизненно важной международным сообществом и национальными правительствами, то относительно способов ее достижения единого мнения не выработано. Представляется очевидным факт, что в каждой конкретной стране сокращение числа бедных достигается через рост ВВП на душу населения, а также увеличение той доли национального дохода, которая перераспределяется в пользу малообеспеченных групп населения. Таким образом, теоретически меры, направленные на достижение экономической стабильности (низкие темпы инфляции, сокращение внешней задолженности, активная позиция во внешней торговле, наличие четкого экономического законодательства и пр.) должны выражаться в сокращении сферы нищеты в обществе. Однако эмпирические исследования не обнаруживают такой однозначной зависимости. Не всегда рост общего объема материальных ресурсов в государстве сопровождается равномерным увеличением доходов всех групп населения.

В связи с этим большое значение имеет выработка социальной политики, направленной на снижение уровня бедности в национальном масштабе. Сюда должны быть включены как меры, предусматривающие создание новых рабочих мест и сокращение безработицы,

так и мероприятия по планированию семьи, улучшению качества и доступности медицинского обслуживания, а также развитию образования и профессионального обучения.

Примером проведения достаточно эффективной политики в сфере борьбы с нищетой может служить Марокко, где после восхождения на трон Мухаммеда VI, получившего среди народа прозвище «король бедных», решение проблемы бедности было провозглашено одним из национальных приоритетов. Особое внимание здесь уделяется сельскому развитию, а именно: совершенствованию инфраструктуры (дорожной сети, ирригации, электрификации), созданию новых рабочих мест, ликвидации неграмотности и повышению образовательного уровня сельского населения. Упор также делается на усилении активности частного капитала. В стране организован Фонд Хасана II, куда поступают средства от приватизации государственных предприятий. В его задачи входит кредитование и страхование мелких предприятий, что в итоге должно дать возможность большему числу жителей заняться предпринимательством и увеличить свои доходы.

Вместе с тем государственные расходы на социальные нужды в Марокко сравнительно невысоки: в 1998 г. на здравоохранение было направлено 1,2% ВВП (2,6% в Алжире и 2,2% в Тунисе), в 1997 г. на цели образования было израсходовано 5,3% ВВП (7,7% в Тунисе) [11]. Марокко получает крупные финансовые средства на социальные нужды в рамках двусторонней помощи: в 1998 г. из общей суммы в 474 млн. долл. 32%, или 152,5 млн. долл. предназначались на цели образования, здравоохранения и улучшение водоснабжения населения. В Алжире за этот период из полученных по линии помощи 60 млн. долл. было направлено на социальные нужды 23,8%, или 16,2 млн. долл. [12].

Алжир и Марокко тесно сотрудничают с международными организациями в рамках программ борьбы с бедностью. Так, в 2002 г. марокканское правительство получило кредит от МБРР в размере 5 млн. долл. для оказания целевой помощи наименее обеспеченным слоям населения [13]. Через специально организованное в стране Агентство социального развития средства поступят на сооружение ирригационных объектов, строительство дорог и мелких рынков, развитие различных видов хозяйственной деятельности, способствующих росту доходов сельских семей. Основой стратегии Всемирного банка в отношении Марокко официально объявлена борьба с бедностью, преимущественно в сельской местности. Эта же цель признается приоритетной в ежегодном обзоре марокканской экономики за 2001 г., составленном МВФ. В нем подчеркивается важность ускоренного проведения структурных реформ (в том числе процесса приватизации госсобственности и налоговых преобразований) и достижения стабильного экономического роста как фактора снижения бедности и безработицы в стране.

Алжир в 2002 г. получил кредит в размере 70 млн. евро от Европейского Союза по соглашению о социальном и экономическом сотрудничестве [14]. Эти средства планируется направить в сферы, способные подготовить необходимые условия для борьбы с бедностью.

Очевидно, что указанные североафриканские страны, а равно и большинство других арабских государств, не имеют достаточных ресурсов для борьбы с социальными пороками и экономическими неурядицами (за исключением нефтеэкспортирующих стран) на национальной почве. Велика их зависимость от внешних источников финансирования, а равно и неспособность мобилизовать требуемые ресурсы внутри собственных хозяйственных систем. Поэтому здесь возможны преимущественно мелкие прорывы на отдельных направлениях, которые в целом не создают нового качества на широком фронте противодействия отсталости и нищете. На этом фоне преобладает процесс увеличения количества бедных в арабском мире и, в частности, в Алжире и Марокко. Несмотря на усилия национальных правительств и международных организаций, эта проблема вряд ли может быть решена в обозримом будущем, поскольку носит комплексный характер и имеет глубокие экономические и социальные корни.

1. Kossaifi G.F. Poverty in the Arab World: toward a critical approach.

2. Cachin P., Mauro P., Sahay R. Macroeconomic Policies and Poverty Reduction: Some Cross country Evidence. www.imf.org

3. Kossaifi G.F....

4. Country Profile Tables. www.worldbank.org/data; World development Report 2002. Wash., 2002, с. 236–237.

5. Национальная черта бедности – минимальный доход, необходимый для удовлетворения основных жизненных нужд (питание, жилье, одежда, мед. услуги и пр.) в данной конкретной стране.

6. World Development Indicators. Poverty. www.unstats.un.org

7. Country Profile Tables... , Middle East Economic Digest, 4.01.2002, с. 32.

8. World Development Indicators. Poverty...

9. Country Profile Tables...

10. Millenium Profiles. UN. www.unstats.un.org

11. African Economic Outlook 2002. www.oecd.org

12. Geographical Distribution of Financial Flows. OECD. Paris, 2000, с. 90, 193.

13. menareport.com/story/. 12 June 2002.

14. Там же, 29 April 2002.

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАГРИБЕ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СТРАНЫ

Политическая модернизация в странах Магриба продиктована желанием правящих кругов этих стран преодолеть экономические и политические трудности за счет активизации деятельности разных слоев населения и мобилизации наиболее дееспособных сегментов общества. Как писала американский политолог Л.Бранд, «политическая либерализация – это демократический процесс, связанный с беспрецедентным расширением действующих лиц на политической сцене» (1, с. 3).

По мере углубления процесса политической модернизации в странах Магриба складываются силы и вне существующей политической системы. Одной из таких новых сил становится формирующееся женское движение, медленно и трудно пробивающее себе дорогу в таких традиционных и консервативных мусульманских странах, как Алжир, Марокко и Тунис.

Еще в 1932 г. В Алжире состоялся международный съезд женщин из стран Средиземноморья. Однако он был преимущественно европейским по духу и по составу участниц. Начало женскому движению было положено участием женщин в борьбе за независимость. Алжирские женщины сыграли заметную роль в боевых действиях или заменяли ушедших на войну мужчин на производстве. В 40-е годы XX столетия возникли первые женские организации в Марокко. В Тунисе созданные еще в 1936 г. первые женские организации были ориентированы на распространение образования. В 1945 г. был образован Союз тунисских женщин (СТЖ), в который вошло 30 тыс. человек. Почти повсеместно возникли благоприятные условия для развития женского движения за равноправие. Осознание ими своей новой роли в обществе повлияло в дальнейшем на динамику женского движения. Тем более, что власти получивших независимость государств создали правовую основу для подобной деятельности, чему способствовала и проводимая правительствами политическая модернизация.

Вклад женщин в освободительную борьбу заставил руководство Фронта национального освобождения (ФНО) Алжира обратить внимание на проблему женской эмансипации. Первые документы ФНО – Сумманская (1955 г.) и Триполийская (1962 г.) программы и Алжирская хартия 1964 г. – в качестве одной из важнейших задач алжирско-

го общества выдвинули достижение равноправия женщин. Однако после отставки президента А.Бен Беллы в стране возобладала тенденция на укрепление норм мусульманской морали. В Конституции и Национальной хартии 1976 г. эмансипация женщин декларируется, но при соблюдении морально-этических норм ислама. Проекты создания кодекса семейного права в 1963, 1966 и 1973 гг. так и не были вынесены на всенародное обсуждение.

Принятая в 1962 г. марокканская конституция гарантировала равенство всех граждан. Марокканский уголовный кодекс предполагал суровое наказание за насилие сексуального характера. Персональный же статут – мударвана – основывался на мусульманском праве.

Наиболее прогрессивным было законодательство в Тунисе, где, как считает известный местный политик и общественный деятель С.Шаабан, «нет ни одного закона, в той или иной мере дискриминирующего женщину» [2, с. 146]. Еще Кодекс гражданского состояния 1956 г. законодательно закрепил равноправное положение тунисской женщины. Тунис является единственной страной, где статьей 18 кодекса запрещена полигамия. За нарушение предусмотрено уголовное наказание. Согласно закону, женщина обладает всей совокупностью гражданских и политических прав. Роль государства оказалась основополагающей для решения и семейных проблем женщин. В начале 60-х годов в Тунисе, например, была принята программа планирования семьи, благодаря которой стало возможным ограничение числа детей в семье.

Такая политика была связана с особенностями становления государственности, ориентированной на светский характер власти, с авторитетом президента Х.Бургибы в стране, где влияние традиций оказалось меньше, чем в соседних, более консервативных странах. Но кодифицирование семейного права во всех трех странах стало первым шагом на пути эмансипации женщин.

В Тунисе законный статус и государственное субсидирование в условиях однопартийного режима получил Национальный союз тунисских женщин (НСТЖ), который создал 123 отделения не только в городах, но и во всех районных центрах, а также в сельской местности.

Цели и задачи организации были разнообразны. Среди них первоочередным было обучение женщин грамотности, в связи с чем при многих отделениях были созданы курсы ликвидации неграмотности. Кроме того, задачей союза стало обучение женщин ремеслу. НСТЖ участвовал в создании швейных мастерских в гг. Тунис, Кайруан, Табарка и др., а также трикотажной фабрики. Организация работы на дому обеспечила существование 2 тыс. надомниц [3, 1961, № 12, с. 43].

В рамках союза работала специальная комиссия по воспитанию молодежи, издавался женский журнал «Файза». Газета «Аксъсон» адресовала женщинам специальную страницу (рецепты блюд, уход за детьми, новинки моды, новости культурной жизни). Специальная программа для женщин была создана на радио.

В 1961 г. Союз насчитывал 600 тыс. членов, а его президент со дня основания – Радия Хаддад – была единственной женщиной – членом парламента. На съезде Социалистической дустуровской партии в 1971 г. она была избрана в ЦК партии. Однако в 1973 г. была выведена из его состава за принадлежность к «либеральному клану» и «за свою манеру вести полемику» [4; 1973, № 678, с. 29].

Национальный союз алжирских женщин (НСАЖ) также был создан властями в рамках однопартийного режима в 1982 г. и насчитывал 200 тыс. членов (по другим данным, более 100 тыс. членов) [5, с. 7]. Во всяком случае, в 1974 г. численность НСАЖ составляла 126 тыс. членов, а в 1978 г. возросла до 152 тыс. [6, с. 1–11]. Первоначально организация состояла из учащихся и студенток, а позже, по мере осуществления аграрной реформы, в нее пришли сельские женщины. Улучшение положения 5 млн. крестьянок стало одной из задач союза, в связи с чем была начата подготовка к первому конгрессу Союза алжирских крестьянок и разработка устава.

Деятельность организации курировалась и контролировалась руководством партии ФНО. Члены высшего руководства выступали на съездах НСАЖ, ставя перед ним очередные задачи. Так, на съезде в 1978 г. выступили президент Х.Бумедьен и руководитель аппарата партии С.Яхьяуи [7, с 1–11].

Борясь за женское равноправие, НСАЖ активно поддерживал социалистические преобразования, всемерно подчеркивая, что эмансипация женщин «никоим образом не означает отступления от моральных принципов». Практически деятельность союза ограничивалась культурно-просветительской работой. Представительницы союза не были допущены к обсуждению проектов семейного кодекса, хотя они активно занимались проблемами семьи. Алжирки участвовали в деятельности международных форумов, в том числе и в работе Конференции африканских женщин.

В сентябре 1970 г. в Рабате был проведен первый региональный семинар женских организаций стран Магриба – Алжира, Туниса, Марокко и Мавритании. Участницы семинара обсудили социальные, профессиональные и политические проблемы, стоящие перед женщинами этих стран. Было решено создать Региональный комитет по координации деятельности женских организаций этих стран. В дальнейшем предполагалось создать Всеобщую федерацию женщин Магриба.

Между тем в Марокко после обретения независимости деятельность женских организаций почти сошла на нет. Только в 1962 г. по инициативе влиятельнейшего в то время профцентра – Марокканского союза труда – был организован Прогрессивный союз марокканских женщин. Он выступил за пересмотр юридического статуса женщин, за отмену их дискриминации, ограничивающей участие в политической, экономической и социальной жизни. Кроме того, действовала Лига защиты детства и санитарного образования. Она имела благотвори-

тельный характер и вела работу по обеспечению детских приютов медикаментами, оборудованием, а также пропагандировала среди населения элементарные гигиенические навыки.

Однако направляющая роль монарха оказалась самой оригинальной особенностью демократического процесса в отношении женщин. В 1969 г. по инициативе короля Хасана II в Рабате собрались 300 представительниц видных семей Марокко, которые образовали Национальный союз марокканских женщин. Это была чисто придворная организация, не имевшая никакого политического веса, но создавшая Марокко имидж страны, заинтересованной в раскрепощении женщин.

В дальнейшем курс на политическую модернизацию, продиктованный желанием правящих кругов преодолеть экономические и политические трудности, положительно повлиял на институционализацию женского движения. Во многом благодаря этому обеспечивалось совершенствование законодательства в сфере семейных отношений.

В Марокко в 1976 г. насчитывалось 76 женских организаций, среди них Демократическая ассоциация женщин Марокко, Союз за женскую активность, Марокканская ассоциация за права женщин, которые боролись за улучшение политического и общественного положения женщин помимо традиционного обучения их правилам гигиены, планирования семьи и т.п. [8, с. 52].

Тунис стал единственной страной, где повышение статуса женщины было одной из главных задач государства. Поэтому женской части населения удалось сыграть важную роль в модернизации страны. Либерализация женского движения проходила в Тунисе в два этапа на фоне экономических кризисов: с конца 70-х до 1983 г. и с ноября 1987 до 1989 г. К 1975 г., когда была принята первая, настоящая программа модернизации страны, доля женщин составляла уже 19% в совокупной рабочей силе (в 1966 г. – только 6,2%). Уровень женской грамотности вырос за этот период с 17 до 32% [9, с. 220]. Одна за другой возникали женские организации, которые ставили своей целью достижение «адекватного баланса» между вовлечением женщин в экономическую жизнь и гармонизацией семейных отношений. Однако их влияние на состояние социальной сферы оказалось минимальным.

В женском движении были периоды взлетов и падений: 80-е годы характеризовались как «золотое время» по сравнению с 90-ми годами. Государство постоянно регламентировало деятельность женских организаций, не позволяя им выходить за установленные рамки. «Их завоевания будут достаточно прочными только в том случае, если сами они займут позицию в общенациональном диалоге, если будут широко представлены в партийных и государственных структурах». Это мнение, высказанное цитировавшимся С.Шаабаном, можно действительно считать справедливым [8, с. 149].

Тунисские женщины принимают активное участие в деятельности и Демократического конституционного объединения, и партий демократической оппозиции, в общественных организациях и в избирательных кампаниях. Так, в парламентских выборах 1989 г. участвовали всего 260 тыс. женщин, а в 1994 г. – 1 миллион [11, с. 148].

В 1993 г. в закон о личном статусе были внесены дополнения, значительно расширявшие права тунисских женщин. Ныне они наряду с мужчинами – и на тех же условиях – могут осуществлять опеку над детьми. Женщины, состоявшие в смешанном браке, получили право (раньше распространялось только на отца) передавать свое гражданство несовершеннолетним детям. Такой прогрессивный подход в женском вопросе повлиял на то, что именно Тунис стал местом проведения международного женского форума в 2002 г.

В начале 80-х годов политические партии Марокко проявили интерес к положению угнетенных сельских слоев населения, в том числе молодежи и женщин. Появились 29 самостоятельных женских организаций, функционирующих вне политических партий. Большинство этих организаций существовало в виде женских клубов, где, помимо просветительской и образовательной деятельности, проводились дискуссии и семинары по проблемам занятости, планирования семьи и т.п.

Постепенно информация об этих клубах распространялась по стране, что приводило к появлению новых подобных организаций. И хотя женщины не стремились к политизации своей деятельности, в 1986–1988 гг. почти все эти клубы прекратили свое существование по политическим соображениям. Одни из них были лишены лицензий, другие закрылись по разным причинам.

Тем не менее в 1985 г. возникла Демократическая ассоциация марокканских женщин (ДАМЖ), выступившая с собственной программой деятельности. Она включала развитие общего и профессионального образования женщин, борьбу с проституцией и т.п. Новые женские организации возникли в ряде районов страны. В 80–90-е годы появились специальные женские издания: журналы, серии книг, авторами которых были преимущественно женщины. Они освещали социально-экономические и политические проблемы страны с учетом положения женщин.

Война в Персидском заливе послужила толчком для социальной активности марокканцев, в том числе и женщин. В 90-е годы появились женские организации, проповедующие равенство между полами во всех сферах жизни, выступающие за изменение законодательства. Хотя эти организации работали в разных условиях, все они были ограничены в финансах и не могли полноценно пропагандировать свою деятельность, к тому же женские организации постоянно подвергались политической дискриминации.

Женские организации Марокко в целом имеют долгую историю, но число вовлеченных в них женщин незначительно. Женское движение

остается слабым и ограничивается преимущественно городами, прежде всего Рабатом и Касабланкой. Все женские организации ориентированы на Работу с представительницами привилегированных сословий и средних слоев населения. Они не только не мобилизованы на решение задач политической и экономической модернизации, но и не стремятся к серьезному изменению статуса женщин. Да и возможности, и интерес к вовлечению женщин в подобную деятельность очень ограничен в стране, где удельный вес неграмотных женщин составляет 67% (в сельской местности – 83%), а большинство населения пребывает если не в абсолютной, то в относительной бедности [12, с. 51].

Тем не менее естественным путем ситуация с женщинами улучшается. Например, согласно Кодексу персонального статута 1993 г., является необходимым присутствие супруги в суде при объявлении о разводе, хотя на практике это правило по-прежнему может игнорироваться. В 1999 г. Кодекс персонального статута претерпел известную реформу, но женщины по-прежнему подвергаются дискриминации в том, что касается брачных отношений, развода и наследования. Супружеское насилие остается довольно частым явлением в семье.

Королевское правительство внесло новые предложения по формированию кодекса, однако они встретили противодействие исламистов. Особенно это касается изменения юридического статуса женщины в браке и в вопросах, касающихся семьи. 12 марта 2000 г. в Рабате прошла манифестация в честь международного женского праздника, на которую вышли 50 тыс. человек. В ответ исламисты, протестуя против подобных реформ, организовали контрманифестацию в Касабланке, на которую вышли 150–200 тыс. человек. В июле 2000 г. большинство имамов государственных мечетей осудили в своих проповедях деятельность президента женской организации Айши Шенны, которая занимается социальной адаптацией незамужних матерей с незаконнорожденными детьми [12, с. 52].

В условиях демократизации «сверху» в Марокко был создан пост государственного секретаря по социальной защите семьи и ребенка. В начале 2001 г. совместно с соответствующими организациями ЕС в Марокко был открыт Центр помощи одиноким женщинам. Кроме того, соответствующие службы при госсекретаре должны заниматься женскими проблемами. В декабре 2000 г. правительство подписало соглашение с Демократической ассоциацией марокканских женщин о координации программы достижения равенства полов.

Более драматичная ситуация складывается в Алжире, где переход к демократии был более резким, чем в Марокко и Тунисе, что обусловило возрождение религиозного фактора в политике. При этом позиции властей и исламистов в женском вопросе практически смыкаются.

Правовой основой положения женщины стал Кодекс семьи 1984 г., который фактически зафиксировал традиционное в мусульманском праве преимущество мужчины над женщиной, легализовал полига-

мию. Если заключение брака регулировалось обычным правом, то кодекс признал обязательность юридической процедуры развода, но узаконил неравенство женщины при разводе.

Новая редакция Национальной хартии Алжира и принятая на ее основе конституция 1986 г. опирались на исламские традиции. Их отличал более ортодоксальный подход к женскому равноправию. Из Конституции 1989 г., несмотря на введение некоторых демократических свобод, исчезли статьи, посвященные статусу алжирской женщины и гарантиям ее прав. В условиях развернувшейся гражданской войны вопросы женской эмансипации вообще перестали подниматься. Таким образом, в современном Алжире, где лозунги умеренных исламистов разделяет руководство страны, а общество захлестнула волна исламистского насилия, вопрос о женской эмансипации отпал сам собой.

Национальному союзу алжирских женщин в этих условиях приходится вступать в конфликт с властями под постоянной угрозой роспуска организации. Как свидетельствует С.Шаабан, «женщины проявили истинный героизм и бесстрашие в борьбе с агрессивным фундаментализмом» [13, с. 149]. Даже проект семейного кодекса 1984 г., будучи более умеренным, чем принятый, который фактически узаконил шариат, вызвал массовые манифестации женщин и нарекания части членов партии ФНО.

Женские организации во всех трех странах ориентированы в основном на городскую среду и остаются относительно слабыми. Женская занятость в общественном труде довольно ограничена. Женщины задействованы преимущественно на непрестижных должностях в производстве, сфере услуг и т.п. Однако появились женщины-врачи, педагоги, писательницы, журналистки и т.п. Единицы из них заняли руководящие должности в политических и общественных организациях, стали депутатами парламента, министрами и послами, как марокканская принцесса Лалла Айша в Италии. Однако по мере осуществления экономической либерализации вопрос о женской эмансипации все равно остается на повестке дня.

Пока же женская мобильность вне дома очень незначительна. Воспитанный в женщинах консерватизм зачастую заставлял их противиться модернизационному процессу. Они или не видят альтернативы старому порядку, или не хотят его менять. Консервативный характер общества, промышленная отсталость и подавление в большей или меньшей степени активности всех граждан значительно ограничивает участие женщин в общественной сфере этих стран.

Три страны демонстрируют различные подходы к решению женского вопроса в зависимости от уровня политической и социально-экономической модернизации. Это свидетельствует о слабой степени демократизации общества, ее верхушечном характере. Политика по-прежнему остается монополией государства. Отсутствуют прочные

гарантии базовых политических и гражданских прав и свобод. Для этих мусульманских стран мало подходит европейская концепция эмансипации женщин, как и заимствованные демократические институты. Переход к демократии в странах, где господствующие позиции принадлежат традиционно консервативным силам, зависит от степени подготовленности к нему общества, от степени демократичности экономики. Формальная декларация гражданских прав и свобод оказывается невыполнимой на практике.

1. Brand L.A. Women, the state and political liberalization; Middle Eastern and North African experience. N.Y. 1998.

2. Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль Абидина бен Али. – М., 1996.

3. Азия и Африка сегодня.

4. Jeane Afrique. P.

5. Независимые страны Африки. 1980 (Справочник), ч. I. – М., 1981.

6. L'année politique africaine. 1978. Dakar, 1978.

7. Там же.

8. Rapport Du Département d'Etat American sur La Situation Des Droits de L'Homme au Maroc En 2000: 14 Juin 2001. Casablanca – Rabat.

9. Brand L.A. Women, the state and political liberalization...

10. Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму...

11. Там же.

12. Rapport Du Département d'Etat American...

13. Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму...

**МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ**

В основе современной миграции за рубеж из стран Северной Африки лежит комплекс причин – экономических, социальных, политических. В разные периоды современной истории североафриканских государств во второй половине XX – начале XXI века роль отдельных факторов менялась. Однако многие исследователи проблем, связанных с миграцией арабов за рубеж, выделяют экономические причины как основные. Эта оценка находит свое подтверждение как в географическом распределении миграционных потоков, так и в социологических опросах. Наряду с этим следует отметить, что порой трудно отличить трудовую миграцию, т.е. по экономическим причинам, от политической. Между тем четкое разграничение трудовой и политической миграции на основе точных критериев имеет важное значение для объективного анализа проблемы. В этой связи представляется актуальным и значимым совершенствование методики опросов, проводимых среди мигрантов с целью выявления истинных причин и мотивов выезда за рубеж, т.к. значительное число респондентов в ходе опросов либо не знает, как правильно выразить свое отношение к соответствующему вопросу из-за того, что часто мотивы носят сложный характер (в случае, когда причины имеют комбинированный характер, т.е. среди них и политические, и экономические мотивы), либо пытается скрыть истинную причину. Последнее чаще всего проявляется в случаях, когда статус мигранта не определен к моменту опроса, когда мигрант сталкивается с юридическими и иными проблемами, а это – достаточно распространенное явление, особенно когда миграция носит нелегальный характер и т.д.

Особое место, в силу их комплексного характера (сочетания экономических, политических и социокультурных процессов), принадлежит таким факторам, как глобализация хозяйственной жизни, усиливающаяся в последние десятилетия, но в особенности начиная с 90-х годов XX в., а также воздействие на страны Северной Африки демонстрационного эффекта, взаимопроникновения культур.

Однако социальные причины миграции наряду с экономическими играют преобладающую роль в разворачивании миграционных процессов из стран региона. Они, как и вышеназванные, имеют сложную

структуру, определяемую как социокультурными или историко-цивилизационными особенностями, так и другими, в частности, демографическими процессами, главным образом высокой динамикой прироста населения, оказывающей сильное влияние на рынок трудовых ресурсов.

Анализ географического распределения миграционных потоков из стран Северной Африки свидетельствует о том, что на протяжении второй половины XX – начала XXI веков подавляющее большинство мигрантов – до 90–95% их общего числа – направлялось в промышленно развитые страны и богатые нефтедобывающие монархии Залива, а также в Ливию. Представление об этом дает распределение численности мигрантов по странам и регионам.

Таблица 1

**Численность мигрантов из стран Северной Африки
в странах-реципиентах, млн.***

на рубеже XX-XXI вв.	
Страны ЕС	3
Страны Залива	4,5–5
США, другие промышленные страны	4
Прочие	ок. 0,5
Всего:	12–12,5

* Примечание: включая членов семей, в том числе детей, родившихся в эмиграции.

Подсчитано по: Миграции в Африке. М., 1993, с. 129–130; The MENA. 2001; <http://www.arab.net/> Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Sudan, Tunisia

Данные, приведенные в таблице, указывают на стойкую тенденцию, сохраняющуюся вплоть до настоящего времени, в распределении мигрантов среди стран и регионов мира в пользу государств с высоким уровнем подушевого дохода. Последний в 2–3 раза, как это имеет место в случае с Ливией, или в 5–10 и более раз – в промышленно развитых государствах и странах Залива превосходит соответствующий показатель в странах Северной Африки.

Действительно, несмотря на определенный экономический прогресс, достигнутый североафриканскими государствами в условиях независимости, ключевой показатель, характеризующий уровень жизни населения в них – подушевой доход, все более отстает от соответствующего показателя в промышленно развитых странах и государствах Залива.

Разумеется, при столь значительном разрыве в уровнях дохода в расчете на душу населения, а также в условиях углубления этого разрыва, несмотря на рост подушевого дохода в странах Северной Африки, здесь не только сохраняются, но, и это надо признать, даже

усиливаются стимулы к эмиграции в поисках высокого заработка. На это указывает значительная, если не сказать огромная, разница в уровнях заработков на родине и в эмиграции. Заработки мигрантов в промышленно развитых странах и государствах Залива по отдельным специальностям в 3–4 – 10 и более раз превышали заработки у себя на родине. Причем даже при низкой оплате труда арабских рабочих на неквалифицированных работах в промышленно развитых странах масштабы разрыва могут быть еще больше, т.к. на родине – от Марокко до Египта и Судана – оплата неквалифицированного труда, в особенности в провинциальной «глубинке», нередко носит чисто символический характер. Несколько иное положение у нелегальных мигрантов, заработки которых отличаются непостоянством выплат и крайне невысоким уровнем. Тем не менее огромный разрыв существует, и он служит мощным стимулом к миграции из Северной Африки. Большинство исследователей отмечает, что практически во всех странах региона сильнейшим фактором развертывания процессов массовой эмиграции за рубеж была возможность получения значительно более высокого заработка.

Что касается другой, не менее важной причины – высокого уровня безработицы, то она все же уступала первому фактору. Лишь в Алжире и Марокко его влияние было столь же сильным, а, возможно, даже несколько более сильным, чем высокий заработок. Его значение, на наш взгляд, несколько ослаблено с последней четверти XX в. в Египте и Тунисе в результате либеральных экономических реформ, открывших, в особенности в Тунисе, новые дополнительные возможности для роста доходов. Эта тенденция в данных странах постепенно нарастает по мере углубления либерализации экономической жизни к концу XX – началу XXI вв. и начинает проявляться и в большинстве других стран Северной Африки, но все же менее заметно, чем в Тунисе и Египте. В Судане, несмотря на то, что масштабы безработицы в этой стране также значительны, все же этот побудительный мотив не столь силен, как в Алжире и Марокко, из-за возможностей трудоустройства в аграрной сфере, где имеются огромные ресурсы, но слабы материальные стимулы вследствие низкого уровня экономического развития и ограниченных доходов.

Различия между странами региона по степени влияния прочих факторов нельзя рассматривать как значительные, хотя они и имеются. В частности, скажем, государственная политика поощрения трудовой миграции, играющая определенную и в отдельных странах – ощутимую роль, менее выражена в Судане и Тунисе. В Судане это объясняется в целом невысокой эффективностью и даже противоречивостью государственного регулирования социально-экономических процессов, в Тунисе – относительно меньшей заинтересованностью государства в проведении такой политики в сравнении, допустим, с Египтом.

Что касается роли демографического фактора, то, сыграв значительную и даже определяющую роль в 60–70-е годы, он затем в большинстве государств (исключение составляет Мавритания) заметен, хотя и в разной степени, ослабляется.

Возможность повышения профессионального образования более явно просматривается как мотив миграции в наиболее развитом из стран региона – Тунисе. Возрастающую роль в последнюю четверть XX в. он играет и в Египте и Марокко, где более чем в других странах региона проводится техническая модернизация экономики, продвинутой и более европеизирована система образования и профессиональной подготовки, хотя еще и преждевременно говорить о значительном влиянии данного фактора.

Политическая нестабильность, как в отдельных странах, так и в целом в регионе (из-за ближневосточного конфликта и роста радикализма, выступающего под знаменем ислама) – заметная, но не столь значимая, как вышеуказанные, причина миграции, ее воздействие в основном ощутимо в Судане и Алжире в условиях гражданских конфликтов (гражданских войн). Однако в периоды обострения социальных (внутристрановых) и региональных конфликтов влияние этого фактора, несомненно, возрастает.

Следует подчеркнуть, что степень влияния этих стимулов и факторов – не статическая величина, и она менялась на различных этапах исторического развития той или иной страны. В частности, влияние отдельных факторов возрастает под воздействием, например, роста и постоянства высокого уровня безработицы практически во всех странах региона.

Таблица 2

**Масштабы безработицы в странах Северной Африки
в 90-е гг. XX в.,
% от численности экономически активного населения
Доля безработных в начале XXI в.**

Алжир	26–30
Египет	16–19
Мавритания	25–30
Марокко	21–25
Судан	св. 20
Тунис	15–16

Источник: The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001; MEED. L., 2001–2002.

Данные таблицы свидетельствуют о значительных масштабах безработицы в странах Северной Африки. Естественно, что при столь

высоком ее уровне происходит выталкивание значительных масс новых рабочих рук за пределы национального рынка труда. Даже в такой относительно благополучной в экономическом отношении стране, как Тунис, безработица столь значительна, что государство рассматривает ее как наиболее острую социально-экономическую и политическую проблему, решение которой является самой приоритетной задачей, стоящей перед правительством.

Впрочем, как невысокий уровень подушевого дохода, так и значительные масштабы безработицы являются производными от относительно низкого уровня развития национальных экономик рассматриваемых стран и низких или умеренных темпов экономического роста. В этой связи для понимания характера и перспектив развития миграционных процессов исключительное значение имеет анализ и оценка результатов рыночных реформ, посредством которых правящие режимы в странах Северной Африки стремятся достичь необходимых высоких и, что не менее важно, стабильных темпов экономического роста, причем главным образом или целиком за счет мобилизации и эффективного использования в хозяйственной жизни внутренних источников развития.

Начавшиеся в 80-е, главным образом в 90-е годы прошлого столетия рыночные реформы во всех без исключения странах Северной Африки одной из главных целей имеют преодоление определенного застоя в экономическом развитии, характерного для большинства из них в 60–70-е годы. Вызванный чрезмерным бременем, которое взвалило на себя государство в экономической сфере после вступления этих стран на путь независимого политического развития, экономический застой выразился в относительно низких или невысоких темпах роста ВВП, не способных обеспечить создание новых рабочих мест в том количестве, которое требует приток рабочих рук на рынок труда. Между тем, по подсчетам египетских экономистов, ежегодно страна нуждается примерно в 500 тыс. новых рабочих мест. По имеющимся оценкам, примерно 300–400 тыс. рабочих мест ежегодно необходимо создавать в таких странах региона, как Марокко, Судан и Алжир. В Тунисе этот показатель также высок – до 65–70 тыс.

Эти данные указывают на значительный потенциал миграции за рубеж по трудовым мотивам – многочисленное население региона, высокий уровень экономически активного населения, стабильно высокий уровень безработицы. К этому следует добавить относительно высокие темпы демографического роста, а также ограниченные природные, в том числе сельскохозяйственные ресурсы.

Показательно, например, что и в 90-е годы, когда темпы демографического роста в Египте заметно упали, а темпы экономического роста возросли, все еще сохранялся разрыв между темпами роста занятости и темпами прироста численности рабочих рук на рынке труда. По имеющимся оценкам, они составляли в 90-е годы соответственно 2,4 и 3,0%.

Понятно, что при столь значительных масштабах проблемы безработицы для ее решения необходимы крупные инвестиции в национальную экономику. Между тем, по данным Мирового банка, доля накоплений в странах региона в первой половине 90-х годов (как и в предыдущие десятилетия) была одной из самых низких среди регионов мира. Ее величина колебалась в пределах 13–16%, в то время, как в азиатских странах она превышала 22–26%, в среднем по развивающимся странам – 21–23%.

Пока рано делать окончательные выводы о влиянии рыночных реформ в странах североафриканского региона, т.к. целый ряд программ, реализуемых в их рамках, еще не завершен, а в полной мере эффект от их проведения следует ожидать, вероятно, лишь через одно-два десятилетия. Прежде всего и главным образом это относится к приватизационным программам. Согласно официальным данным, в Египте, а также в Марокко только во второй половине 90-х годов приступили к реализации решающей фазы приватизации государственных компаний. В Алжире к началу XXI в. была приватизирована только небольшая часть государственных предприятий. Медленными темпами идет приватизация и в Тунисе – одной из наиболее развитых в хозяйственном отношении стран региона. В Ливии государство также не спешит отказаться от целого ряда ключевых регулирующих функций и прав собственника в таких важных отраслях и сферах национального хозяйства, как нефтегазовая промышленность, энергетика, финансы, природные ресурсы и недра и т.д. В решающей стадии, но пока далеко не завершена либерализация внешнеэкономических связей, идет процесс либерализации инвестиционного законодательства.

Первые результаты реформ поэтому не следует переоценивать. В отдельных странах они пока позволили лишь предотвратить крах национальной экономики (Алжир, Судан), в других – несколько стабилизировать относительно быстрый экономический рост (Тунис, Египет), в третьих их влияние пока мало ощутимо (Ливия), в четвертых лишь обозначились ограниченные сдвиги к ускорению экономического развития (Марокко).

Тем не менее можно отметить, что начиная примерно с середины 90-х годов в целом ряде стран, где проводятся реформы, темпы роста ВВП повысились и несколько стабилизировались. Причем, и это следует подчеркнуть, они превысили темпы прироста населения, что внушает надежду на некоторое снижение уровня безработицы в ближайшем будущем. А это, в свою очередь, может повлиять на масштабы трудовой миграции.

Действительно, в большинстве стран региона произошел некоторый перелом ситуации к лучшему в соотношении между темпами экономического роста и прироста населения. Однако для достижения ощутимых результатов в снижении уровня безработицы необходимо, чтобы эта тенденция сохранялась на протяжении длительного перио-

да. В этом случае будет происходить сокращение масштабов безработицы, постепенно возродится атмосфера уверенности у новых поколений, вступающих в категорию экономически активного, трудоспособного населения.

Вместе с тем намечающийся процесс формирования открытой рыночной экономики вследствие проводимых либеральных экономических реформ и предстоящего вступления североафриканских стран во Всемирную торговую организацию, а также углубления интеграционных связей с ЕС остро ставит вопрос не только о рационализации, но и о выживаемости значительной части компаний практически всех стран региона. По имеющимся оценкам, от половины до 2/3 компаний подвергнутся серьезной перестройке или будут ликвидированы, не выдержав конкуренции с иностранными компаниями, для товаров которых будут открыты рынки североафриканских государств. Это, вероятно, приведет к обострению проблемы безработицы, хотя в североафриканских странах уже с 90-х годов – начала интенсивной реализации экономических реформ и интеграционных соглашений с ЕС – реализуются программы социальной адаптации, направленные на предотвращение роста безработицы.

Помимо мощных экономических причин в самих странах Северной Африки, достаточно сильны стимулы к сохранению массовой трудовой миграции и в самих странах-реципиентах. В промышленно развитых государствах на протяжении последних десятилетий, примерно с 50-60-х годов, сложился острый дефицит рабочих рук, занятых на неквалифицированных и малоквалифицированных работах – в сфере услуг, в строительном бизнесе, в так называемых грязных отраслях промышленности – в металлургии, горной добыче, химическом производстве и некоторых других отраслях.

По имеющимся оценкам, объем годового спроса на новые дополнительные рабочие руки из среды эмигрантов только в Западной Европе составляет порядка нескольких десятков тысяч человек. Важно отметить, что спрос этот не уменьшается, а имеет тенденцию к росту, несмотря на усилия правительств промышленно развитых стран сократить, ограничить области использования неквалифицированного и малоквалифицированного труда, где в основном заняты мигранты.

В странах Залива и Ливии ситуация имеет немало общего с той, которая сложилась в промышленно развитых государствах. Здесь длительное время, главным образом с 1973–74 гг., существовал огромный спрос на иностранных рабочих и специалистов. Показателен пример Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов, да и других стран региона, где численность иностранных рабочих сравнима с численностью коренного населения. Существуют целые отрасли, где работают в основном рабочие-эмигранты, прежде всего из «бедных» арабских стран. Здесь правительства также прила-

гают усилия для регулирования масштабов притока иностранной рабочей силы в те или иные отрасли, однако можно сказать определенно, что при нынешнем высоком уровне доходов местного населения, занятого в наиболее престижных отраслях экономики, малоквалифицированный и неквалифицированный, «черновой» труд еще длительное время останется уделом мигрантов. Даже в странах Европы, куда устремлялась большая часть мигрирующих за рубеж квалифицированных работников, примерно 2/3 всех эмигрантов были заняты неквалифицированным трудом¹.

Вместе с тем в странах Залива в большей степени, чем в индустриальных государствах Запада, существует спрос на дипломированных специалистов из арабских государств, в том числе из Северной Африки. Здесь широким спросом пользуются такие специальности, как учитель, преподаватель вуза, инженер, строитель, нефтяник, химик и т.д. Между тем в странах Северной Африки, в особенности в Алжире, Марокко, Египте очень высока безработица среди дипломированных специалистов, прежде всего молодого поколения. Так, в Марокко, по официальным оценкам, уровень безработицы среди данной категории экономически активного населения достигал в конце 90-х годов 50–60%. Понятно, что в этих условиях эмиграция в страны Залива среди данной категории экономически активного населения представляется исключительным средством решения важнейших жизненных проблем – трудоустройства по специальности и получения высокого заработка.

Среди важнейших экономических факторов, стимулирующих трудовую миграцию за рубеж в странах Северной Африки, необходимо отметить высокую степень заинтересованности североафриканских государств в валютных поступлениях в виде переводов денежных средств от эмигрантов. О значении данного источника валютных поступлений свидетельствует целый ряд показателей. Переводы мигрантов уже длительное время являются одним из крупнейших источников инвалюты в Египте и одно время в 80-е годы они по своему объему потеснили с первого места такой важный вид валютных поступлений, как экспорт нефти. В отдельные годы валютные переводы египтян-мигрантов достигали 2–3 и даже 4–5 млрд. долл. Некоторые исследователи приводят даже более высокую цифру – 8 млрд. долл. в 1989/90 гг., которая, возможно, включает средства, поступающие по нелегальным каналам². Эти средства заметно превосходили поступления от эксплуатации Суэцкого канала (0,5–1 млрд. долл.), экспорта египетского длиноволокнистого хлопка (0,3–0,5 млрд.), от туризма (2–4 млрд.). Более того, в условиях либерализации кредитно-банковской системы в странах региона, включая Египет, перевод заработка в страну становится все более привлекательным для мигрантов. Данные египетской национальной статистики указывают на появление тенденции к росту переводов в Египет от эмигрантов, объем

которых достиг в середине – второй половине 90-х годов огромной суммы в 5 млрд. долл. Естественно, правительство страны крайне заинтересовано в поддержании данной тенденции и, соответственно, в поощрении трудовой миграции.

Во многом схожая ситуация наблюдается и в Тунисе. Пример этой страны показателен еще и в том смысле, что Тунис – наиболее развитая в экономическом отношении страна региона и в некотором смысле представляет собой модель развития, олицетворяющую observable будущее североафриканских государств. К середине 90-х годов за границей, в основном в южной зоне стран Западной Европы, проживало более 600 тыс. тунисцев (около 7% граждан этой страны). Ежегодные переводы в первой половине 90-х годов от них составляли внушительную сумму порядка 500–600 млн. долл. (20 млн. в середине 70-х годов). К концу десятилетия она приблизилась уже к 900 млн. Причем 90% всей суммы переводов поступало от тунисцев, работающих в Западной Европе, до 60% – от осевших во Франции³.

Высокая степень такой заинтересованности определяется также и еще одним важным обстоятельством. За десятилетия трудовой миграции из Египта мигранты разместили на зарубежных валютных рынках огромные средства, которые, по некоторым оценкам, составляют порядка 180-250 млрд. долл. Эта сумма продолжает быстро расти и объективно представляет собой своеобразный резервный валютный фонд страны, приток в страну даже части которого может стать важным фактором экономического подъема (в этом отношении показателен пример Китая, где успешные экономические реформы стали возможны в условиях массированного вложения в экономику этой страны многомиллиардных капиталов хуацзяо – этнических китайцев из стран юго-восточной Азии, Гонконга и др.).

Схожая во многом ситуация и в других странах Северной Африки – в Марокко, Алжире, Судане.

Данные национальной статистики об объемах ежегодных переводов рабочих-мигрантов подтверждают оценку о высокой степени заинтересованности всех государств Северной Африки в притоке инвалютных средств от иммигрантов. Практически эти средства стали важнейшим источником погашения высокого и, несмотря на предпринимаемые правительствами стран региона меры, растущего дефицита внешнеторгового баланса. В частности, в Тунисе в 1995 г. из-за возросших расходов на оплату импорта дефицит текущего счета вырос более чем на 1/3, что соответствовало 4,3% ВВП страны. Однако благодаря высокому уровню переводов мигрантов, значительным доходам от иностранного туризма этот критически важный показатель удалось снизить до приемлемого для Туниса уровня в 2,9%.

Следует подчеркнуть, что из-за угрозы террористов в отдельных странах региона (в Египте, например) другой важный источник валютных поступлений – иностранный туризм, в периоды обострения ситу-

ации (как это было после теракта в Луксоре в ноябре 1997 г.) характеризуется резким спадом. Отличительными чертами такого источника инвалюты последних десятилетий, как переводы мигрантов, являются не только стабильность, но тенденция к росту. Причем, рост валютных переводов в период прорыночных реформ и либерализации национальной банковской системы в отдельных странах носит стремительный характер, что делает данный источник еще более привлекательным для национальных правительств.

Демографический «взрыв» в странах Северной Африки, как и в целом в арабском мире, сыграл важную роль в разворачивании миграционных процессов. Высокие среднегодовые темпы прироста, пришедшиеся на 50–70-е годы, а в отдельных странах региона сохраняющиеся и до 80–90-х годов, способствовали ежегодному притоку огромной массы новых рабочих рук, которые местная экономика не была в состоянии абсорбировать. Хотя в последней трети XX в. в большинстве этих стран предпринимались настойчивые усилия с целью снизить высокий уровень рождаемости, они дали ограниченный эффект лишь главным образом в последние полтора-два десятилетия, когда масштабы безработицы приняли угрожающий характер, в особенности в Алжире, Марокко, Мавритании. В других странах региона проблема частично решалась за счет расширения масштабов скрытых форм безработицы. Впрочем, последнее имело место и в первой группе стран. Выход из создавшейся ситуации уже в 70-е годы ряд правительств североафриканских государств, прежде всего Египта, где давление на рынок труда было особенно высоким, видел в поощрении трудовой миграции за рубеж.

Статистика, главным образом последнего десятилетия XX в., показывает некоторое снижение рождаемости в большинстве стран региона. Исключение составляет Мавритания и до некоторой степени Судан. Однако общий тренд для региона – сокращение темпов прироста численности населения дает основания считать, что снижение давления демографического пресса продолжится и в первом десятилетии XXI в., и это окажет заметное влияние на миграционные процессы. В то же время демографический фактор – лишь один из комплекса причин, и он не в состоянии переломить всю ситуацию.

¹ Тунисская Республика. – М., 1993, с. 317.

² Миграции в Африке. – М., 1993, с. 145.

³ The MENA. 2001; <http://www.arab.net/Tunisia>

**РОЛЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

Вторая половина XX – начало XXI веков характеризуются значительными изменениями в экономике стран Северной Африки, крупными сдвигами в их отраслевой структуре, оказавшими заметное влияние на сельскохозяйственное развитие в целом и производство продовольствия, в частности. Хотя перемены, происшедшие в североафриканских государствах за указанный период, несут на себе печать специфики и своеобразия каждого из них, следует прежде всего отметить некоторые общие, фундаментальные (базовые) тенденции и черты этого процесса.

За прошедшие четыре-пять десятилетий независимого политического развития вырос экономический потенциал каждой из стран североафриканского региона, что выразилось в многократном увеличении валового внутреннего продукта, а также в объеме ВВП в расчете на душу населения. Наиболее динамично эти показатели росли в Тунисе и Египте, которые, хотя и обладали относительно скромными запасами энергоносителей, не только стали экспортёрами углеводородного сырья, но и предприняли значительные и довольно успешные усилия по диверсификации своей национальной экономики, добившись существенного роста основных макроэкономических показателей, хотя и в разной степени. В отдельные периоды в странах – крупных производителей и экспортёрах нефти и газа – Ливии и Алжире также наблюдался быстрый рост ВВП, однако он не сопровождался адекватными положительными структурными сдвигами в национальной экономике.

Марокко также достигло определенного прогресса в экономической жизни, но отсутствие собственных запасов энергоносителей, в отличие от вышеуказанных двух групп стран, другие факторы в сильной мере отразились на итогах его почти полувекового хозяйственного развития. Их можно охарактеризовать как более чем умеренные.

В четвертую группу – аутсайдеров экономического развития можно включить Судан и Мавританию, которые по своему уровню, ключевым макроэкономическим показателям скорее ближе к наименее развитым странам мира, хотя и здесь индивидуальные различия столь существенны, что не учитывать их при общем анализе сельскохозяйственного производства и продовольственной проблемы было бы ошибочным.

Характеризуя основные итоги экономического развития стран региона следует отметить, что, несмотря на значительный разброс в объё-

мах ВВП, в том числе в расчете на душу населения (в конце прошлого века разница по данному показателю между Ливией и Мавританией, например, составляла почти двадцатикратную величину), ни один из показателей, скажем, той же Ливии не приблизился к уровню не только ведущих центров мировой экономики, но даже и новых индустриальных стран (НИС). Тем не менее к «предпороговому» уровню некоторые исследователи, в том числе российские, относят Тунис, который добился заметных прогрессивных изменений в отраслевой структуре и одновременно – в повышении уровня дохода в расчете на душу населения.

Относительно низкие показатели хозяйственного развития, достигнутые к началу нового века, в сравнении со многими другими развивающимися странами, прежде всего азиатскими и латиноамериканскими, своим следствием имеют и достаточно ограниченные результаты развития такой ключевой отрасли, как сельское хозяйство. Происшедшие прогрессивные изменения в отраслевой структуре национальных экономик большинства североафриканских государств – появление новых, главным образом промышленных отраслей, расширение масштабов экспортных видов производств, развитие отдельных важных современных сфер услуг (туризм, внешняя торговля, экспорт рабочей силы) и т.д. не должны умалять того факта, что сокращение, а в отдельных странах – падение доли сельскохозяйственного производства в ВВП стало не только следствием динамичного роста промышленности и других отраслей, но и сохраняющейся относительной слабости, недостаточной развитости сельского хозяйства. Причем в отдельных странах региона имеющиеся естественные агроклиматические условия вполне позволяли за столь длительный исторический период заметно продвинуться по пути формирования интенсивного высокопродуктивного товарного сельского хозяйства. В особенности это относится к Судану, располагающему одним из наиболее крупных, если не крупнейшим на африканском континенте и Арабском Востоке агроклиматическим потенциалом. Добиться этого не удалось во многом из-за более чем скромных итогов в целом хозяйственного развития, являющегося базой, основой сельскохозяйственного производства.

Практически во всех рассматриваемых странах доля сельского хозяйства в ВВП за последние полвека либо упала, либо имела тенденцию к сокращению. В 2000 г. доля отрасли в ВВП составила от 5–10% в Ливии и Алжире, до 15–20% в Марокко, Египте и Тунисе. Что касается наименее развитых стран региона – Мавритании и Судана, этот показатель, несколько снизившись, остался на относительно высоком уровне 25–35%. (World Statistics Pocketbook. 2000. UN, N.Y., с. 5, 61, 111, 123, 129, 179, 191; The MENA. 2001. L. 2001, с. 1129; UNCTAD. Handbook of Statistics. 2000. UN, с. 308).

Снижение доли сельского хозяйства отрасли в ВВП крупнейших производителей и экспортеров нефти и газа – Ливии и Алжира было результатом прежде всего бурного роста добычи углеводородного сырья. Но одновременно оно было и следствием стагнации или даже в

отдельные периоды кризиса сельскохозяйственного производства. Тенденция к сокращению наблюдалась, хотя и в разной степени, в остальных североафриканских государствах. Лишь Тунис (еще в меньшей степени это относится к Египту) составлял некоторое исключение.

Одним из важнейших итогов экономического роста североафриканских стран (кроме Судана вплоть до конца XX в. и Мавритании) стало относительное падение значения сельского хозяйства как основного источника формирования фонда накопления в результате промышленного роста и развития ряда отраслей сферы услуг (туризм, подготовка и экспорт рабочей силы, используемой в экономике арабских стран – крупных экспортеров энергоносителей и промышленно развитых государств). Это не могло не оказывать в целом сдерживающего влияния на развитие сельского хозяйства, в том числе его экспортных отраслей. Отразилось это и на производстве продовольствия, тесно связанного с общим состоянием и развитием различных сегментов сельского хозяйства.

Что касается Судана, обладающего самым крупным потенциалом естественных факторов сельскохозяйственного производства среди рассматриваемых стран, то отсутствие вплоть до начала XXI в. в хозяйственном освоении месторождений нефти и газа, длительный экономический кризис (практически со второй половины 60-х годов) и в целом низкий исходный уровень промышленного развития (доля отечественной промышленности в ВВП страны в колониальный и постколониальный период составляла порядка 3–7%), традиционно исключительно высокий уровень зависимости экономики от производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, а также другие факторы, по сути, закрепили почти полную ее зависимость от сельскохозяйственного производства и предопределили сохранение высокой доли отрасли в ВВП Судана.

Однако в условиях значительных экономических трудностей, с обострением которых периодически сталкивались практически все страны региона (некоторое исключение в последние два десятилетия составляет Тунис), дефицита капитальных ресурсов, свободноконвертируемой валюты и т.д. североафриканские государства, несмотря на относительное падение хозяйственной значимости аграрного сектора, вынуждены были все же уделять основательное внимание развитию отрасли, хотя усилия в этой области не всегда были адекватны объективным потребностям.

Поддержка государством сельскохозяйственного производства в основном диктовалась тем, что оно являлось важнейшим источником продовольственных ресурсов для быстро растущего населения, сырья для динамично развивающейся промышленности (на долю текстильной и пищевкусовой промышленности приходилось на грани веков до 30–50% всего промышленного производства рассматриваемых стран, без учета нефтегазовой промышленности), крупным источником СКВ. Но что не менее существенно, сельское население, большинство которого было занято сельским трудом (хотя в послед-

ние десятилетия быстро росло отходничество в города), вплоть до начала нового века составляло большинство населения рассматриваемых стран: в Марокко, к примеру, оно и в настоящее время составляет, по разным источникам, до 48–55%, в Судане – до 69–75% жителей страны. В большинстве государств региона ситуация схожая, несмотря на рекордно быстрые темпы урбанизации. Столь высокая социальная значимость деревни и сельскохозяйственного производства предопределяли наряду с другими (экономическими, политическими) факторами активную роль государства в развитии агросферы (другое дело – насколько государственная политика реформ, регулирования и поддержки сельского хозяйства была эффективна).

Оценивая экономическую и социальную составляющие значимости отрасли следует подчеркнуть, что исключительно высокий ее вклад в формирование продовольственных ресурсов, обеспечения сырьем ведущих отраслей местной промышленности – текстильной и пищевкусовой, а также ее огромное значение для жизнеобеспечения более половины сельского населения предопределяют на обозримую перспективу сохранение ключевого значения для всего социально-экономического развития всех без исключения стран Северной Африки. При этом следует оговориться, что показатели социально-экономической значимости отрасли заметно разнятся в отдельных странах региона – они исключительно высоки в наименее развитых государствах, прежде всего в Судане, менее значимы в странах с относительно развитым промышленным потенциалом – в Египте, Тунисе и, наконец, не столь велики, как в вышеназванных странах, в государствах – крупных экспортерах нефти и газа – Алжире и особенно Ливии.

Эти особенности (наряду с политическими факторами) не могут не влиять на аграрную политику каждой из стран региона, внося свою специфику и своеобразие как в развитие отрасли, так и в ее важнейшую составляющую – производство продовольствия.

При этом необходимо подчеркнуть следующее. Отмеченное относительно уменьшение роли сельского хозяйства в экономике рассматриваемых стран, вероятно, было бы менее масштабным, если бы североафриканские страны полнее, эффективнее использовали те агроклиматические ресурсы, которыми они располагают. Конечно, следует оговориться, что государства Северной Африки, за исключением Судана, не относятся к группе стран мира, обладающих избыточными или обильными сельскохозяйственными угодьями. В особенности это относится к Мавритании и Египту, располагающим крайне ограниченными сельскохозяйственными угодьями, пригодными для земледелия. Причем Египет более или менее эффективно использует сельскохозяйственные площади и данная выше оценка относится к нему только в той части, которая касается ограниченности угодий.

Представление о степени обеспеченности сельскохозяйственными площадями стран региона в сравнении с другими странами и регионами мира дает нижеследующая таблица.

Возделываемые площади в период с 1985 по 1998 гг.

	1985 г.		1990 г.		1998 г.	
	1	2	1	2	1	2
Алжир	7511	0,34	7635	0,31	7650	0,25
Египет	2497	0,049	2648	0,047	3300	0,049
Ливия	2127	0,55	2105	0,48	3115	0,48
Мавритания	305	0,18	406	0,20	500	0,19
Марокко	8498	0,39	9443	0,40	9895	0,35
Судан	12790	0,59	13235	0,55	16900	0,58
Тунис	4938	0,65	4851	0,59	4900	0,60
Африка	184306	0,34	191159	0,31	201738	0,26
Азия	490516	0,153	506916	0,147	515078	0,142
Мир	1478114	0,30	1502364	0,285	1511964	0,253

Расчитано по: FAO. Production Yearbook. 1999. Rome, 2001, с. 3–4, 8, 19–21, 25.

Примечания: 1 – возделываемые площади в тыс. га;

2 – возделываемые площади в расчете на душу населения.

Вместе с тем данные, приводимые в таблице, указывают на то, что за исключением Мавритании, показатель возделываемых площадей в расчете на душу населения превышает соответствующий показатель по всем странам мира, а также по Африке и в особенности по Азии. Причем азиатские страны, несмотря на крайне низкую обеспеченность сельскохозяйственными угодьями, добились в последние 2–3 десятилетия впечатляющих успехов в росте сельскохозяйственного производства, опираясь главным образом на выдающиеся достижения «зеленой революции» в области использования современных агротехнических приемов и высокоурожайных сортов семян важнейших продовольственных культур и на разностороннюю поддержку фермерских хозяйств, включая мелкие семейные фермы (хозяйства). В частности, такие крупные азиатские страны, как Индия, Китай и некоторые другие, не только лишили проблему голода, но и стали крупными экспортерами продовольствия, являясь к тому же традиционно крупными экспортерами и сельскохозяйственного сырья.

Применительно к таким странам региона, как Судан, Алжир, Марокко, Тунис и Египет, справедливо утверждение о том, что более активная поддержка производителя мерами государственного регулирования, целенаправленное поощрение экспортного сектора отрасли, способного успешно конкурировать на мировом рынке цитрусовых, ранних овощей, других экологически чистых продуктов питания растительного, а также животного происхождения, хлопка, фиников, лекарственных трав и т.д., продуманная политика необходимых реформ, прежде всего в области

земле- и водопользования, прочие меры, вероятно, могли бы дать не меньший хозяйственный эффект, чем успешные индустриальные проекты, реализованные в североафриканских странах.

Пока же следует констатировать, что ограниченные масштабы поддержки сельскохозяйственного производства, а в отдельные периоды принудительное изъятие через систему административно установленных цен на реализуемую производителями сельскохозяйственную продукцию не только не способствовали быстрому росту, но и подрывали сельскохозяйственное производство. В особенности это было характерно для периода широкомасштабного вмешательства государства в экономику в Египте (60–70-е и даже 80-е годы), Судане (практически на протяжении всего постколониального периода, за исключением последних нескольких лет, когда все более настойчиво начал реализовываться курс на экономическую либерализацию, рыночные реформы), в Тунисе (период реформ Бен Салаха), Алжире (вплоть до середины 80-х – начала 90-х годов), Ливии (вплоть до начала – середины 90-х годов).

Недостаточно эффективная аграрная политика государства, развившаяся прежде всего и главным образом в низкой рентабельности или убыточности созданного (во многом насильственным способом) с его помощью обширного сектора кооперативных хозяйств, охватывавшего в ряде государств региона до 50–70% и более всех хозяйств и примерно 30–50% всех сельскохозяйственных земель и относительно небольшой по своим масштабам сектор государственных агропромышленных комплексов (от 2–3% земель в Египте и Алжире до 10% и более – в Судане) в период аграрных реформ «демократической» направленности (50–60-е годы) в Египте, Алжире, Тунисе, а несколько позднее – в Ливии и Судане (главным образом в 70-е годы), одним из своих результатов имела хотя и значительное, но все же явно недостаточное расширение клина орошаемых земель. Между тем последнее имеет первостепенное значение для устойчивого и динамичного развития всего сельского хозяйства (исключая Египет, где все сельскохозяйственные земли ирригированы) стран региона, где почти во всех зонах земледелия ощущается сильный дефицит осадков при жарком сухом климате.

Таким образом, относительно быстрый промышленный рост в большинстве стран региона наряду с формированием других источников накопления, получения иностранной валюты (внешние займы, доходы от иностранного туризма, переводы эмигрантов из-за рубежа) и снижением экономической значимости сельского хозяйства усиливали тенденцию к его постепенному переходу в разряд второстепенных, с точки зрения источника накоплений, поступлений иностранной валюты. По отдельным странам, таким как Ливия или Алжир, удельный вес поступлений от отрасли снизился за 60–80-е годы с 80–90% и более до 2–3%, в Египте и Тунисе – с 40–60% до 5–7%. Лишь в Су-

дане экспорт сельскохозяйственной продукции вплоть до начала-середины 90-х годов сохранял свое ведущее значение, однако и в этой стране его несколько потеснил такой источник поступления СКВ, как переводы суданцев, работавших за рубежом, а с конца 90-х годов XX в. также доходы от начавшегося экспорта нефти.

В то же время заметно возрастает значение отрасли как потенциально важнейшей сферы экономии иностранной валюты в условиях быстрого роста импорта продовольствия. Значение этой хозяйственной функции отрасли высоко во всех странах региона, но особенно в тех, которые не обладают значительными (Марокко, Мавритания, например) и стабильными источниками валютных поступлений (это относится к большинству государств региона, включая даже Алжир, валютные поступления которого были подвержены сильным колебаниям в 80–90-е годы из-за низких и неустойчивых мировых цен на энергоносители). Последнее обстоятельство представляется особенно значимым в свете резко возросшей в последние десятилетия внешней задолженности почти всех североафриканских государств и обострения проблемы с его погашением, необходимости максимально экономить иностранную валюту. Так, в Алжире, Марокко, Судане объем внешней задолженности в 90-е годы приблизился к годовому объему ВВП (порядка 20–30 млрд. долл.) и даже превзошел его. Причем Алжир находился в опасной близости от объявления страной дефолта. Схожая ситуация неоднократно наблюдалась и в Египте в 80-е годы и в особенности на рубеже 80–90-х годов. Лишь списание половины внешнего долга АРЕ в начале 90-х годов внешними донорами выправило ситуацию и предотвратило неизбежный, по мнению многих международных экспертов, крах финансовой системы страны. Тем не менее в начале этого века во всех странах Северной Африки сохранялась напряженная ситуация с обеспечением социально-экономического развития необходимыми валютными средствами. Она отмечалась даже в Ливии – стране с относительно небольшим в сравнении с крупными странами региона населением и значительным источником валютных поступлений в виде экспорта энергоносителей. Международные эксперты не исключают возможного в будущем нового резкого обострения валютной проблемы, т.к. факторы, определяющие ее, не утратили своего значения. В свете сказанного, можно утверждать, что значение данной функции сельского хозяйства, его продовольственного сектора, несколько видоизменяясь на протяжении последних двух-трех десятилетий, в некоторых аспектах даже возросло.

Особо следует остановиться на социальной функции сельского хозяйства (и его основного, как уже отмечалось сегмента – производства продовольствия). Несмотря на высокие темпы урбанизации, которые с 50–60-х годов отмечаются во всех рассматриваемых странах (в меньшей степени – в Судане и Мавритании, в большей – во всех остальных), городское население увеличивалось на 3–4% и более в

отдельные периоды и происходило уменьшение доли сельских жителей в общей численности населения рассматриваемых стран, оно все еще остается исключительно высоким. Кроме того, абсолютная численность сельских жителей возрастала и достигла к рубежу веков внушительной цифры, в особенности в крупных странах региона. В настоящее время численность сельских жителей такова:

**Численность сельского населения
стран Северной Африки в конце XX в.***

	Сельское население, млн.**	% от общей численности населения
Алжир	13	43
Египет	38	56
Ливия	1	15
Мавритания	1	49
Марокко	13	48
Судан	20	69
Тунис	4	38

Подсчитано по: World Statistics Pocketbook. 2000. UN, N.Y., с. 61, 111, 123, 129, 179, 191.

Примечания: * – округлено до целых;

** – по другим источникам, данные о численности и удельном весе сельского населения несколько отличаются от тех, которые приводит статистический справочник ООН, в сторону повышения. Однако разница составляет лишь несколько процентов и принципиально не меняет картины, которую дает данная таблица. В частности, по Марокко указывается доля сельского населения в 55%, по Судану – порядка 75% и т.д.

Из таблицы видно, что лишь Ливия имеет относительно низкую долю сельского населения. Таким образом, для всех остальных стран в большей (Судан) или меньшей степени (Тунис) проблема обеспечения сельских жителей работой, материальными факторами производства – землей, орудиями труда и т.д. – стоит и в последние десятилетия достаточно остро: она самым непосредственным образом касается примерно половины населения.

Причем содержание этой проблемы с годами довольно заметно меняется и усложняется, приобретая характер комплексной социально-экономической и политической проблемы, в том числе и под воздействием демонстрационного эффекта. Значительно более высокий уровень жизни в быстро растущих городах в условиях широкого распространения СМИ, массового отходничества в города, в целом интенсивной трудовой миграции сельских жителей, в том числе в страны с высоким уровнем жизни, все острее ставит вопрос о необходимости глубоких и широкомасштабных перемен в жизненном уровне сельских жителей. Последнее возможно лишь при масштабной техни-

ческой модернизации сельскохозяйственного производства, преодоления периферийного характера, отсталости аграрной сферы, прежде всего обширного традиционного уклада в сельской экономике.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЛИВИИ

В период с начала 80-х годов на экономическое развитие ВСНЛАД оказывали влияние колебания цен на нефть на мировом рынке, а также политические факторы. После введения в 1978 г. односторонних американских санкций против Ливии (установления полного торгового эмбарго и замораживания всех активов Ливии в США) ряд американских компаний, в том числе «Occidental Petroleum», «Сопосо», покинули ее территорию. В 1992 г. СБ ООН принял резолюцию № 748 о введении санкций в отношении Ливии (запрет на авиасообщения, военно-техническое сотрудничество и пр.) в связи с обвинениями в причастности ливийских граждан к взрыву самолета американской компании «Пан-Ам» в небе над шотландским городом Локерби. В 1993 г. были введены дополнительные санкции ООН в отношении Ливии¹. Они включали, в частности, запрет на импорт технологического оборудования и запасных частей для нефтеперерабатывающих заводов и нефте- и газопроводов в соответствии с утвержденным перечнем (за исключением бурового оборудования). Под влиянием всех перечисленных факторов добыча нефти в Ливии сократилась с 1,8 млн. в 1980 г. до 1,4 млн. в 1998 г. (кроме того, она резко колебалась по годам – в 1997 г. было добыто 973 тыс. б/д)².

Уменьшение поступлений от экспорта нефти с 22,5 млрд. долл. в 1980 г. до 10 млрд. в 1983 г. и 6 млрд. долл. в 1986 г. поставило под угрозу выполнение плана социально-экономического развития с общей суммой капиталовложений в 18,5 млрд. лив. д., срок действия которого заканчивался в 1986 г.³

Следует отметить, что наиболее существенное сокращение доходов пришлось на 80-е годы, когда страна реализовывала крупные проекты экономического развития, импортировала большое количество потребительских товаров для населения, оплачивала иностранную рабочую силу, закупала вооружение. Ливийское руководство было вынуждено резко сократить импорт, отложить или заморозить осуществление некоторых проектов, снизить расходы госбюджета. Тем не менее в списке первоочередных были оставлены такие объекты тяжелой обрабатывающей промышленности, как металлургический комплекс в Мисурате, алюминиевый в Зуаре, несколько нефтехимических предприятий в Аль-Бреге и Рас Лануфе, а также сооружение Великой искусственной реки (ВИР) по переброске 2 млн. куб. м.

воды в день из подземного резервуара на юго-востоке страны в прибрежные районы на севере.

Установление полного торгового эмбарго против Ливии в 1986 г. вызвало значительное сокращение государственных капиталовложений, главным образом на реализацию проектов в области инфраструктуры. По некоторым оценкам, было приостановлено выполнение проектов на общую сумму около 30 млрд. долл., что привело к значительному сокращению рабочих мест. Появилась безработица. Рост цен на продовольствие и услуги достигал в отдельные годы 200%. Государство выделяло субсидии на сырье и товары первой необходимости, чтобы они оставались доступными для населения. Возникла нехватка многих потребительских товаров, а субсидируемые товары и продукты продавались на «черном рынке» по более дорогой цене. Процветала контрабандная торговля. Обострилась жилищная проблема, ухудшилась работа учреждений здравоохранения и образования.

Только за пять лет действия международного эмбарго, согласно опубликованному в Триполи в декабре 1997 г. докладу народного бюро по внешней политике, потери Ливии превысили 24 млрд. долл., причем наиболее сильно пострадали такие отрасли экономики, как нефтедобыча, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство. Эмбарго подорвало планы развития инфраструктуры.

Все эти факторы способствовали снижению ВВП, который начал увеличиваться лишь с середины 90-х годов в связи с улучшением конъюнктуры мирового рынка нефти и смягчением экономических санкций.

Динамика ВВП в 1980–2000 гг.

Год	ВВП (млн. лив. д).
1977	5763
1980	10882
1983	8932
1985	8227
1987	6253
1989	7537
1990	9148
1993	10288
1995	12002
1996	13068
1997	12498
1998	14958
1999	14000
2000	14300
2001	14300

Следует сказать, что ливийскому руководству не удалось пока решить задачу преодоления чрезмерной зависимости экономики от

добычи и экспорта нефти. На ее долю по-прежнему приходится до 95% доходов от экспорта. Доля нефтяной и газовой промышленности в ВВП в 2000 г. составляла около 40%.

В конце 90-х годов лидер ливийской революции М.Каддафи с целью повышения темпов экономического роста и преобразования экономической структуры (преодоления ее ориентированного преимущественно на нефть характера) призвал к проведению экономической и финансовой реформ, которые предусматривали частичную экономическую либерализацию, введение плавающего курса ливийского динара, преобразование ряда государственных предприятий в «государственные акционерные компании». М.Каддафи предложил провести перестройку экономики, находящейся под «строгим государственным контролем» (т.е. речь шла об ослаблении государственного влияния на экономику).

Ограничения на импорт потребительских товаров и поддержание завышенного курса ливийского динара привели к увеличению спроса на наличную иностранную валюту внутри страны. Центральный банк Ливии предпринял ряд мер, направленных на ограничение теневого оборота валюты, который составлял до 25% общего объема валютных сделок. В конце 1998 г. была осуществлена девальвация динара на 14%, а также проведена серия валютных интервенций, что позволило уменьшить параллельный курс с 3,2 динара за один долл. до 1,5. Предполагалось введение плавающего курса ливийского динара.

В начале 2000 г. М.Каддафи подверг резкой критике деятельность Высшего народного конгресса (ВНК). После этого ВНК внес изменения в финансирование государственного плана, которые заключались в том, что отныне только 20% необходимых средств будут выделяться за счет доходов от нефти (при этом, однако, не было указано, за счет каких источников будут финансироваться остальные государственные расходы).

Увеличившийся с середины 90-х годов спрос на ливийскую нефть и рост доходов от нее (в 1995 г. – 4 млрд. долл.) позволили ливийскому руководству разработать пятилетнюю программу социально-экономического развития на 2001–2005 гг. с общей суммой капиталовложений в 30 млрд. долл. (самый большой объем капиталовложений за последние 20 лет). Утверждая эту программу, ВНК исходил из того, что в 2001 г. реальный прирост ВВП составил 4,7%. На 1999 г. был запланирован темп роста в 4,3%, а фактически он составил 5,4%⁴. Значительную часть увеличившихся доходов – около 12–13 млрд. долл. – предполагается направить на развитие инфраструктуры и модернизацию тяжелой промышленности, что будет способствовать модернизации экономики в целом. В числе основных проектов – переоборудование металлургического завода в г. Мисурата с удвоением его мощности до 1,2 млн. т в год. На проведение этих работ ливийская металлургическая компания («Lisco») намерена затра-

тить 20–25 млн. долл. План предусматривает также развитие нефтедобычи и нефтепереработки.

Для выполнения программы необходимо привлечь иностранные инвестиции. Запланированный значительный объем капиталовложений, 5%-ный экономический рост послужили сигналом для зарубежных инвесторов, которые стали рассматривать Ливию как потенциального торгового партнера и объект для инвестиций (как в 70-е годы). Немалую роль сыграл и отказ ливийского руководства от политики изоляции.

Иностранный капитал проявляет интерес к инвестированию в ливийскую экономику, причем не только в ее нефтегазовую отрасль. Сдерживающим фактором для иностранных инвесторов является отсутствие соответствующего законодательства. Законы шариата применяются в основном при решении семейных проблем, в отношении наследуемого имущества и пр. Существует коммерческий (торговый) свод законов, а также специальные законы и декреты. Законов же, касающихся иностранных компаний, которые намерены вкладывать свои капиталы в Ливию, немного. Это нефтяной закон № 25 от 1955 г., закон № 5 «Обеспечение иностранных инвестиций в Ливии» от 1977 г. и различные законы о социальной защите, занятости и иммиграции.

Одновременно с принятием закона № 5 было создано специальное ведомство, призванное содействовать привлечению инвестиций в сельское хозяйство, промышленность, сферу обслуживания, туризм и т.д. Особо подчеркивалась необходимость налаживания производства оборудования, запасных частей, совершенствование телекоммуникаций, в частности, подключение к Интернету. Закон об иностранных инвестициях предусматривал ряд льгот для инвесторов, а также местных предпринимателей, занятых в совместных предприятиях. Список льгот включал в себя: освобождение от таможенных пошлин и налогов на машины и оборудование, право передачи собственности на разработанный проект и реэкспорта капитала, право использовать иностранный персонал за неимением подготовленного местного соответствующей квалификации. Отдельные положения закона касались лизинга, собственности на землю и сооружения зданий, необходимых для осуществления проекта.

Закон № 5 гарантировал безопасность от национализации и конфискации, за исключением случаев по судебным решениям. В том случае, если род деятельности, которой занимался инвестор, не подходил ни под одну из статей закона, последний мог выбрать альтернативные варианты: 1) зарегистрироваться как ливийское отделение иностранной компании, 2) образовать совместное предприятие с ливийским партнером, 3) выбрать местного агента. Если иностранная компания намеревалась открыть в Ливии филиал, она должна была избрать тот вид бизнеса, в котором разрешалась деятельность иностранных фирм, а именно: горнодобывающая промышленность, гео-

логоразведка, судоходство, авиация, связь. Следует отметить, что процедура оформления дочерних представительств очень сложная, требует сбора массы документов и предоставления их ливийскому коммерческому департаменту на арабском языке, а затем ливийское народное бюро передает их уже на языке материнской компании. Что касается второго варианта – основания совместной компании, то условия здесь менее привлекательны для иностранных инвесторов, поскольку 51% капитала должен принадлежать ливийскому государству, и большинство членов совета директоров, а также сам директор должны быть ливийцами. Документ об учреждении совместной компании должен содержать данные о компании, сфере ее деятельности и о держателях акций. Третий вариант – назначение агента внутри страны. Это наиболее популярная стартовая точка для желающих вложить свои капиталы в Ливии. Однако законы об агентах устарели, они не содержат четких и ясных рекомендаций относительно таких соглашений о компенсациях, которые должны выплачиваться и пр.

Следует сказать, что с момента принятия закона № 5 об иностранных инвестициях от 1977 г. прошло довольно много лет. С тех пор в мире произошли большие изменения, выразившиеся в распространении информации и знаний, многократном и полном обновлении технологий, развертывании процессов регионализации и глобализации (процесс концентрации производительных сил человечества) и т.д. Назрела необходимость принятия нового, более совершенного законодательства об иностранных инвестициях, учитывающего происходящие в мире изменения. Тем не менее, как отмечал журнал «Middle East» в октябре 2002 г., «президент НК А.А.Хафез аз-Злитни является убежденным сторонником привлечения иностранных инвестиций, и это, видимо, во многом определяет благоприятный для инвесторов климат в стране».

В проведенном в начале 2002 г. компанией «Robertson Research» исследовании Ливия названа в числе наиболее привлекательных в мире стран для разведки и добычи нефти⁵. По результатам опроса, проведенного в нефтяных компаниях, единственным недостатком была названа долгая процедура выдачи лицензий на разведку и разработку месторождений. Хотя низкие издержки производства, составляющие всего 1 долл. за баррель, несомненно, являются фактором, привлекающим инвесторов. Нынешняя открытость ливийской экономики для иностранного капитала также способствовала такому выводу исследования.

После завершения «дела Локерби» 30 января 2001 г. открылись перспективы урегулирования отношений с Западом. Но отношения с США оставались напряженными. Ввод полного торгового эмбарго против Ливии в 1986 г. фактически закрыл доступ на ее территорию американским нефтяным компаниям. В результате американские нефтяные компании понесли большие убытки, потеряв обширные

территории в нефтеносном бассейне Сирт. Активы группы «Oasis», в которую входили «Conoco», «Amerada Hess», «Maraton Oil Company», «Occidental Oil Corporation» и ныне не существующая «Grace Petroleum», были заморожены. Ливийское руководство предлагало американским нефтяным компаниям возобновить деятельность, пообещав урегулировать вопрос в отношении их собственности. Несмотря на это, представитель США заявил, что любая компания, которая инвестирует в экономику Ливии более чем 40 млн. долл., согласно ирано-ливийскому акту о санкциях, или закону Амато-Кеннеди (ILSA), должна быть наказана. Однако крупные европейские компании, такие как итальянская ENI, французская «Total FinaElf of France» и испанская «Repsol YPF», продолжали работать в Ливии, не подвергаясь санкциям. Крупнейшими иностранными производителями после ухода пяти американских нефтяных компаний являются итальянская ENI с ее дочерним отделением «Agip», которые производят 82 тыс. б/д на месторождении Бу Атифель, и испанская «Repsol», добывающая 150 тыс. б/д на комплексе «Аш-Шахара». Однако «Agip» предполагает превзойти все другие иностранные компании по объему инвестиций в этой стране, осуществив грандиозный проект разработки месторождений природного газа в Западной Ливии стоимостью примерно в 5,5 млрд. долл.⁶

В период нового пятилетнего плана предусматривается укрепление экономических отношений с Италией, предоставление новых привилегий итальянским партнерам. Итальянские фирмы окажут Ливии содействие в разработке нефтяных и газовых месторождений, нефтепереработке, развитии инфраструктуры и прочих отраслей хозяйства. Достаточно отметить, что из общей суммы иностранных инвестиций на развитие экономики Ливии до конца 2005 г., которая оценивается в 12 млрд. долл., на итальянские фирмы приходится половина. Италия готова содействовать строительству железных дорог, которые свяжут Ливию с Тунисом и Египтом, трубопровода, Великой искусственной реки (ВИР), окажет помощь в очистке нефти⁷.

Ливия намерена подписать с Италией контракты на общую сумму 4 млрд. долл. Из них 2250 млн. долл. ею предполагается израсходовать на обустройство континентальных и шельфовых месторождений, а также на строительство нефтегазоперерабатывающего завода в г. Мелита.

Оставшаяся сумма поступит в распоряжение Ливийской национальной нефтяной корпорации. Кроме того, дополнительно 750 млн. долл. будут выделены на строительство транссредиземноморского трубопровода.

ENI (через своего местного оператора «Agip North Africa») является крупнейшим производителем нефти в Ливии. Общая добыча на месторождении Бу Атифель и шельфе Бури в блоке NC-41 составляет 170 тыс. б/д. Приобретение акций английской компании «Lasmo» и ее доли в крупнейшем месторождении Элефант в блоке NC-174 увеличило воз-

возможности ENI. К 2005/2006 г. компания намеревается поднять добычу до 250 тыс. б/д в нефтяном эквиваленте. Согласно заявлению представителя «Lasmo», запасы открытых ею залежей нефти на месторождении Элефант оцениваются в 500 млн. барр. «Lasmo» действовала в блоке NC-174 совместно с дочерней компанией ENI – «Agip» и южнокорейским консорциумом «Korea Petroleum Development Corporation» («Pedco»).

Испанская компания «Repsol» является основным участником международного консорциума в составе французской «Total» (24% акций), австрийской «OMV» (24%) и норвежской «Saga» (20%), который еще в 1997 г. подписал контракт на разработку и эксплуатацию нефтяного месторождения на площади 32 тыс. кв. км. Добыча нефти составляет 75 тыс. б/д. Этот участок прилегает к другому месторождению, разработку которого ведет консорциум почти в таком же составе за исключением норвежской компании.

Следует отметить, что компания «Total» вторично за короткий промежуток времени стала участницей объединения, деятельность которого могла навлечь на себя санкции со стороны США, согласно закону Амато-Кеннеди (речь идет об участии этой компании совместно с российским «Газпромом» и малазийской фирмой «Petronas» в консорциуме для разработки крупного газового месторождения в Иране).

Испанская компания «Repsol» подписала соглашение об исследовании и разработке еще двух месторождений в бассейне Мурзук общей площадью 23 тыс. кв. км. Ливийская сторона намерена предложить «Repsol» более выгодные условия в рамках EPSA – 3 (соглашение о разработке и долевом участии в производстве).

В мае 2002 г. дипломатические источники сообщили, что немецкая компания «Wintershell» вела переговоры с ННК относительно проведения буровых работ на территории концессии, принадлежавшей группе американских компаний «Oasis». Предполагается, что разработка новых месторождений на этой территории (ранее добычу осуществляла компания «Waha Oil») позволит удвоить добычу нефти в Ливии, доведя ее до 3 млн. б/д. В трудных условиях, несмотря на все препятствия, ННК сумела сохранить уровень добычи, определенный квотой ОПЕК – 1,4 млн. б/д.

В последние годы, учитывая нестабильность цен на нефть на мировом рынке, ограничительные квоты ОПЕК на ее добычу, целенаправленную политику стран-импортеров, прежде всего индустриально развитых государств, вызвавшую перестройку всего энергосырьевого сектора мирового хозяйства (несмотря на мощное воздействие роста добычи нефти на конъюнктуру мирового топливного рынка, общие темпы ее роста существенно отстают от темпов роста добычи угля, а еще больше – природного газа), ливийское руководство стало уделять большое внимание разработке своих богатейших месторождений газа. В 1999 г. ННК заключила соглашение с итальянской компанией ENI о строительстве транссредиземноморского трубопровода

длиной 600 км через Италию в Европу. Проект получил название «Зеленый поток». К 2004 г. в Италию планируется поставлять 8 млрд. куб. м газа в год. Это крупнейшее вложение иностранного капитала в последнее время, а также первый столь масштабный проект по использованию фактически нетронутых запасов природного газа Ливии. Трубопровод представляет собой грандиозное инженерное сооружение, самое глубоководное в мире. На его строительство предполагается израсходовать 750 млн. долл.⁸ Контракты на осуществление проекта заключены с японской компанией «JGC Corporation», итальянской «Saipem» и китайской «China Engineering Petroleum and Construction». Уже достигнуты соглашения с рядом компаний об экспорте добываемого газа, в том числе с «Gas de France» и итальянской «Energia» о закупке по 2 млрд. куб. м в год каждой и итальянской «Edison Gas» о закупке ею 4 млрд. куб. м газа в год. Каждое соглашение заключено на 24-летний период. Столь высокий спрос на ливийский природный газ отражает возросшую потребность в этом виде сырья и топлива в европейских странах. По расчетам специалистов, к 2015 г. импортируемый Италией газ составит до 40% всех потребляемых ею энергоресурсов, т. е. на 30% превысит нынешний уровень. Ливия, обладая гигантскими запасами газа в 1,3 трл. куб. м, а также в силу географической близости к рынкам Южной Европы может стать для нее крупным поставщиком этого вида углеводородного сырья. Газ будет поступать с двух главных месторождений – Вафа в блоке NC-160 вблизи алжирской границы и шельфового – в блоке NC-41, в 110 км севернее Триполи. Произведенный в количестве 10 млрд. куб. м газ планируется перекачивать на перерабатывающие установки строящегося на побережье в г. Мелита завода. Отсюда 8 млрд. куб. м будет экспортироваться через «Зеленый поток» в Италию и Европу, а оставшиеся 2 млрд. пойдут на удовлетворение внутренних потребностей Ливии.

Совместная ливийско-итальянская компания «Agip Gas», 75% акций которой принадлежит ENI и 25% акций – ННК, будет управлять обустройством месторождения Вафа, шельфовой платформы в блоке NC-41. «Agip Gas» от имени ENI и ННК заключили контракт с консорциумом во главе с японской «JGC Corporation» в составе итальянской «Technimont» и ее французского филиала «Sofregas» на сумму 1200 млн. долл. на проектирование и строительство комплекса установок по обработке углеводородного сырья близ г. Мелита. Мощность комплекса должна составить 4,9 млн. т в год жидких углеводородов и 10 млрд. куб. м газа. Строительство комплекса является частью проекта освоения шельфового (блок NC-41) и сухопутного (блок NC-169) нефтегазовых месторождений⁹.

В конце 80-х и в 90-е годы в условиях низких цен на сырье появилась тенденция к наращиванию мощностей нефте- и газоперерабатывающей промышленности. Пока уровень переработки добываемого

мой нефти в Ливии составляет 25%, т.е. значительно ниже, чем, например, в Иране (42%) или в Ираке (52%). Мощности нефтеперерабатывающих предприятий (без учета мощностей в Европе, где Ливия имеет долевое участие) возросли со 130 тыс. б/д в 80-е годы до 1524 тыс. б/д в 2000 г. Кроме того, Ливия наладила партнерские связи с европейским капиталом в области переработки ливийской нефти в странах-потребителях ливийского углеводородного сырья – Италии, Германии, Швейцарии. Ливией были предприняты меры и по созданию собственной дистрибьютерской сети в странах-потребителях – Италии, Германии, Испании. Если учесть те производственные мощности, которыми частично владеет Ливия в Европе, то доля нефти, которая может быть переработана, возрастет примерно до 45% (380 тыс. т на собственных НПЗ и 300 тыс. т на европейских). В 1998 г. из 73 млн. т добытой нефти было произведено 20 млн. т нефтепродуктов¹⁰. Ливийское руководство основной упор в своей нефтяной политике делает на увеличение переработки нефти в Европе. Им выдвинута цель – увеличить мощности по переработке нефти в ближайшее время до 2 млн. б/д. При этом руководящие деятели Ливии отдают себе отчет в том, что эта цель может быть достигнута только при привлечении к участию международных нефтяных компаний. Находясь в изоляции, страна не имела ни финансовых средств, ни доступа к современным технологиям для усовершенствования отрасли. В связи с этим представляется, что ливийское руководство будет приветствовать возвращение американских нефтяных компаний в Ливию. (Главным препятствием для улучшения отношений с американскими компаниями является нерешенность вопроса о выплате компенсаций семьям пострадавших при взрыве самолета над Локерби. В случае невыплаты США могут заморозить ливийские активы, включая капиталы, размещенные за границей). Нефтехимическое производство находится в Ливии в начальной стадии. Но все же здесь налажен выпуск продукции, пользующейся спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке: полиэтилена, пластмасс, удобрений и т.п.

Другой перспективной отраслью для вложений иностранного капитала является сектор телекоммуникаций. За 15-летний период относительной изоляции от внешнего мира технологии в этой отрасли серьезно устарели. Для того, чтобы привести ее в соответствие с современными требованиями, по расчетам специалистов, потребуются вкладывать в течение ближайших 10 лет не менее чем по 400 млн. долл. в год. В Ливии обеспеченность даже телефонной сетью очень низкая: всего 10% населения против 43%, например, в Марокко. Компания «General Post and Telecommunications» (GPTC), образованная в 1985 г. из двух существующих организаций и 13 местных муниципальных компаний, планирует обеспечить телефонами 20% населения к 2010 г., ввести обслуживание сотовой телефонной связью GSM и увеличить число пользователей Интернетом до 500 тысяч. В осу-

ществлении этих проектов разрешено участвовать частным инвесторам. Ранее претворение в жизнь намеченных планов сдерживалось американским эмбарго и отсутствием средств для инвестиций. В настоящее время мобильная сотовая связь и Интернет быстро распространяются в Ливии. Перевод существующей системы на цифровую займет не менее пяти лет. В 2000 г. итальянская компания «Pirelli Submarine Telecoms Systems» завершила прокладку подводного оптоволоконного кабеля мощностью 2,5 Гигабайт/сек и обеспечила синхронную цифровую связь на основе оптических медианосителей (SDH) между Триполи и материковой Европой. Немецкая компания «Siemens» выиграла тендер на установку микроволновой системы SDH для поддержания линейной и сотовой GSM-связи в Триполи, Сирте и Бенгази. «Siemens» также осуществляет постепенный перевод передач на цифровую технологию. Международный концерн «Alcatel» ведет работы по наращиванию кабеля от границы с Тунисом к 12 прибрежным городам и далее до Александрии в Египте и Тартуса в Сирии. Компания «Alcatel» завершила испытания сети GSM, которая будет использовать систему SDH компании «Siemens». Три местных оператора GSM предлагают свои услуги главным прибрежным городам. Базирующаяся в Триполи «LTT Net», контролируемая сыном М.Каддафи Мухаммедом Сайедом аль-Исламом, является наиболее крупной и обеспечивает сотовую связь GSM и доступ в Интернет для жителей Триполи и его окрестностей. Она намерена наладить связь с крупнейшими в Европе операторами GSM. Компания «GPTC» планирует стать провайдером услуг GSM.

Шведская компания «Ericsson», которая построила систему сотовой связи GSM от границы с Тунисом до Сирта, намерена создать с ливийской стороной совместное предприятие. Ныне она имеет акции совместно с «GPTC» в компании «Аль-Мадар», которая обеспечила местную мобильную сеть общего пользования и предоставляет услуги по обеспечению сотовой связью GSM. Связь осуществляется с помощью небольших мобильных сетей, которые получают и передают данные при помощи 14 местных внутренних (Domset) и международных (Interaset) наземных станций. Оптоволоконный подводный кабель мощностью 45 Мегабайт/сек. от английской «FLAG Telecom» соединяет Ливию с международной сетью «FLAG» и обеспечивает передачу большого объема информации. «GPTC» намеревалась заключить с «FLAG» соглашение о внедрении на местных сетях технологии SDH, чтобы увеличить их возможности к 2010 г. «GPTC» планирует к этому сроку иметь адекватные современным потребностям технологии передачи информации и обеспечить доступ к Интернету не менее 500 тыс. абонентам.

Ливия приобрела 5% акций государственной телекоммуникационной компании из ОАЭ, которая намеревалась запустить спутник связи, обеспечивающий 2,5 млн. телефонных каналов. Как здесь ста-

ло известно, промышленная группа «GPTC» инвестировала 25 млн. долл. в уставный капитал компании. Учитывая усиливающиеся связи Ливии с африканскими странами, «GPTC» намерена приобрести контрольный пакет акций в планируемом проекте осуществления спутниковой связи – «African Satellite Project» стоимостью 500 млн. долл.

Ливийское руководство считает перспективной отраслью для иностранных инвестиций также туризм. Эта отрасль сферы услуг развита здесь сравнительно слабо. Кроме того, введение воздушного эмбарго в 1992 г. привело к снижению числа туристов на 75%. В 1995 г. Ливию посетили не более 100 тыс. туристов – ничтожно малая цифра для страны, располагающей 118 гостиницами, находящимися в основном на побережье Средиземного моря и способными одновременно разместить 15,5 тыс. гостей. Для туристов предлагаются следующие перспективные районы: оазис Бзима (Bzimah), расположенный в 160 км к северо-западу от Аль-Куфры, пустыни Залляф (Zallaf) и Убари (Ubari) с четырьмя большими озерами, долина Аллюд (Allud) в 206 км к юго-востоку от Мисураты с развалинами римского периода, изобилующая артезианскими скважинами, национальный парк Сурман (Surman) в 50 км западнее Триполи и др.

В 1998 г. была образована туристическая компания «Tourism Investment and Promotion Board» (TIPB). В течение следующих пяти лет, начиная с 2001 г., правительство планирует инвестировать 2–3 млрд. долл. в развитие туризма. В задачи «TIPB» входит убедить туроператоров, а также предпринимателей в том, что Ливия обладает уникальной культурой, традициями, историческими памятниками, протяженной береговой линией и, главное, открыта для бизнеса. Как заявил министр по вопросам туризма Букари Хауда, «Ливия богата дикими пляжами, памятниками греко-римской и исламской архитектуры, пустынными ландшафтами, которые не могут не привлечь любителей сафари». Для того, чтобы принять возрастающее число туристов, «TIPB» должна создать дополнительно 60 тыс. мест.

Компания «TIPB» предлагает желающим инвестировать средства в туристические объекты создавать совместные предприятия в соответствии с законом № 5. Однако необходимо убедить потенциальных инвесторов в том, что развитие туризма в Ливии – действительно выгодное дело. Европейские предприниматели проявляют определенный интерес к туризму, но остаются нерешенными вопросы о частоте авиарейсов, получении виз, переводе прибылей и др. Ныне 23 международных транспортных агентства обслуживают четыре международных аэропорта: в Триполи, Сирте, Бенгази и Тобруке. Возросшее число туристов вынудит Ливию увеличить число рейсов и организовать чартерные рейсы. Итальянская компания «Valtur», которая обслуживает туристические деревни в Марокко, Тунисе, Египте, готова действовать и в Ливии. В феврале 2001 г. она заключила контракт с «TIPB» на 50 млн. долл. о создании совместного предприятия для

строительства отеля на 600 мест в Вилла Силин (Villa Silin) вблизи Триполи с перспективой расширения до 1 тыс. мест. При нем будут созданы центр конгрессов, площадки для игры в гольф, амфитеатр, оздоровительные и спортивные центры. Мальтийская компания, занимающаяся строительством отелей, «Corinthia Group» намерена реализовать совместно с «TIPB» другой проект. Почти половина (47%) акций этой компании принадлежит ливийской инвестиционной компании «Libian Arab Foreign Investment» – ЛАФИКО. Мальтийская компания пригласила архитекторов для проектирования комплекса для отдыхающих вблизи г. Мисурата, к востоку от Аль-Хомса, причем это не первый проект, осуществляемый данной компанией в Ливии. В Триполи ее дочерняя компания построила пятизвездочный отель, а также деловой центр и магазины на площади 600 кв.м. Общая стоимость строительства оценивается в 125 млн. долл.¹¹ Вслед за мальтийской фирмой швейцарская «Moevenpick» планирует соорудить отель на 260 номеров. Базирующаяся в Лондоне «PKF» завершила проектные работы для строительства комплекса вблизи Аль-Фатах на площади 60–70 тыс. кв. м стоимостью около 60 млн. долл., который будет включать отель на 300 номеров, деловой центр и магазины. Ливийское руководство намерено объявить международные торги для осуществления этих проектов.

Таким образом, смягчение санкций позволило Джамахирии выйти из изоляции и предпринять шаги к восстановлению позиций на международной арене. Руководство ВСНЛАД продолжает принимать меры для привлечения иностранных инвесторов в экономику, прежде всего в нефтегазовую отрасль. При этом оно придерживается двустороннего подхода: во-первых, создать благоприятный инвестиционный климат в стране, во-вторых, попытаться интегрироваться на международной политической арене путем улучшения отношений с правительствами западно-европейских стран и США, где находится большинство потенциальных инвесторов. Этому способствовал и наметившийся в последние годы поворот к рыночной экономике. Так, в ряде заявлений, сделанных за последние годы М.Каддафи и другими руководящими деятелями, отмечалось, что они более не считают нефтяной и газовый сектор прерогативой исключительно ливийского государства. Эти заявления сопровождалось некоторыми изменениями в экономической политике, направленными на снятие ограничений на деятельность частных местных и иностранных предпринимателей и привлечение иностранных инвесторов. ЦБ девальвировал ливийский динар. В январе 2002 г. курс динара был снижен на 51%, чтобы сократить разницу между официальной ценой и стоимостью на «черном рынке» и удешевить импорт технического оборудования. В январе 2002 г. были снижены таможенные пошлины. Эта мера преследовала двойную цель – привлечь инвестиции и содействовать развитию торговли.

Условия соглашений о добыче нефти и газа также стали более благоприятными для иностранных инвесторов, так как была значительно облегчена процедура вывоза за пределы страны прибылей, снижены налоговые ставки.

В 2000 г. было произведено реформирование государственного аппарата, были преобразованы 2/3 бывших министерств (народных бюро), сокращены избыточные кадры в министерствах промышленности, информации, культуры и др. При этом было образовано новое министерство по координации отношений с Черной Африкой. Министерство энергетики было упразднено, а его функции переданы ННК. Результатом стало улучшение управления, уменьшение бюрократических проволочек, ускорение работы с документами.

Несомненно, однако, что для эффективного развития отраслей ливийского хозяйства частных мер недостаточно. Необходимы еще более благоприятные политические условия и более тесная интеграция в мировую экономику, без которой вряд ли возможно широкомащтабное сотрудничество с международными компаниями, обладающими передовыми технологиями во всех сферах экономики.

¹ Более подробно см.: Кеворков Л.С. Экономические санкции против Ливии и их последствия // Ближний Восток и современность. М., с. 60–69.

² ОПЕК Annual Statistical Bulletin 1997 AOGD/IFA.

³ Geographishes Rundschau. Nordafriica. June 6/2001. H3211.

⁴ Там же.

⁵ The Middle East, L., October 2002.

⁶ The Middle East, L., October 2002.

⁷ Geographisches Rundschau... H3211.

⁸ MEED. Special Report. Libya. 17 August 2001; Special Report, 9 August 2002, v. 46, № 32.

⁹ БИКИ, № 139, 3.12.02; MEED 18 January 2002, v. 46, № 3.

¹⁰ Бенскандеров А.М. Основные тенденции развития нефтегазовой отрасли Ливии, Ирака и Ирана в конце XX – начале XXI веков // Ближний Восток и современность. М. 2001, с. 25.

¹¹ MEED. Special Report. Libya. 17 August 2001, v. 45, № 33.

ЧАСТНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ТУНИССКОЙ ЭКОНОМИКИ

После получения Тунисом независимости в 1956 г. экономическая политика страны неоднократно менялась. Вплоть до 60-х годов господствовало либеральное направление, когда под контролем государства находились ключевые отрасли экономики – горнодобывающая промышленность, энергетика, транспорт и связь, остальные отрасли были отданы частному и иностранному капиталу. Предпочтение отдавалось местным инвесторам, им предоставлялся ряд льгот как в налоговой сфере, так и при распределении государственных заказов.

В 1961–69 гг. в основу новой экономической доктрины легли принципы «дустуровского социализма», что на деле означало переход от либерального регулирования к существенной активизации государственного вмешательства в хозяйственную деятельность, вплоть до директивного планирования в отношении этатизированных отраслей и предприятий. Ограничение частного предпринимательства особенно коснулось сельского хозяйства и сферы обращения. Расширение круга экономических функций государства объяснялось как вынужденная мера, связанная с пассивностью частного национального капитала. Это было также связано с экономическим кризисом 1964 г. К началу 70-х годов в собственности государства и под его активным контролем находилась значительная часть основных производственных фондов и инфраструктуры. Экономическая политика Социалистической дустуровской партии основывалась на принципах смешанной экономики, оптимальном сочетании трех секторов хозяйства – государственного, кооперативного и частного. Несмотря на ее дирижистский характер, усиление хозяйственных функций государства не сопровождалось, как правило, свертыванием деятельности национальных и иностранных инвесторов. В 60–70-е годы промышленно развитые страны внесли весомый вклад в индустриальное развитие Туниса (Тунис традиционно занимал 7-е место среди развивающихся стран по сумме кредитов и субсидий на душу населения).

Однако серьезная конфликтная ситуация возникла в сельском хозяйстве, розничной и оптовой торговле, где государство пыталось иногда даже силовыми методами проводить кооперацию и укрупнение оптовых торговых фирм. В результате недовольства этими экс-

периментами правительство Туниса было вынуждено отказаться от методов «силового дирижизма» и «обязательного кооперирования».

Новая «либерально-рыночная» волна начала 70-х годов тем не менее не коснулась ряда государственных монополий и контроля над внутренним ценообразованием. В этот же период была создана модель экспортной ориентации тунисской экономики, которая практически в неизменном виде сохраняется до сих пор. Для реализации этой модели был принят ряд законов, стимулирующих частные национальные и иностранные инвестиции (фискальные льготы, выгодные условия приобретения земельных участков, пониженные ставки арендных платежей и др.). Иностранные инвесторы стали активно участвовать в нефтяном бизнесе Туниса, где разработка и добыча велись только смешанными предприятиями с участием государства.

Несмотря на постоянные корректировки экономического курса и его определенные просчеты в 60–70-х годах, Тунис смог заложить основы многоотраслевой промышленности, насытить внутренний рынок продукцией собственного производства, активизировать внешнюю торговлю, создать базовую инфраструктуру и постепенно включиться в международное разделение труда. Темпы роста ВВП в период осуществления IV плана социально-экономического развития страны на 1972–1976 гг. достигли рекордной цифры 8% в год. Повысился удельный вес частного национального капитала в смешанных предприятиях с участием государства. Инвестиционная политика 70-х – начала 80-х годов, направленная на поощрение частного предпринимательства, привела к положительным результатам. В 1987 г. в частном секторе создавалось 75% ВВП, было сосредоточено около 2/3 основного фонда заработной платы. Но в то же время около 70% всех предприятий частного сектора составляли мелкие и средние компании. Однако конъюнктурные колебания на мировых рынках и общеэкономические кризисные ситуации, хронические внутренние диспропорции, неблагоприятные природно-климатические условия постоянно тормозили развитие тунисской экономики. Этому в значительной степени способствовал и чрезвычайно разросшийся, но неэффективный и малорентабельный государственный сектор, на который приходилось 25% ВВП, 1/10 всех занятых, 1/3 фонда заработной платы и 3/4 экспорта¹.

Крупнейшим и всеобъемлющим кризисом тунисской экономики стал кризис середины 80-х годов, который привел к невыполнению основных задач VI пятилетнего плана социально-экономического развития страны (1982–1986 гг.), а среднегодовые темпы роста в этот период составили лишь 2,5%. В августе 1986 г. тунисское правительство приняло по согласованию с МВФ программу стабилизации и структурной перестройки своей экономики и получило от МВФ и МБРР кредиты на ее осуществление. Помимо таких задач, как девальвация динара, стимулирование деловой активности, усиление экспортной ориентации, повышение конкурентоспособности основных отраслей обрабаты-

вающей промышленности, программа предусматривала приватизацию государственных предприятий, проведение реформ налоговой и кредитно-денежной систем и инвестиционной политики. Целью этих реформ было уменьшение прямого вмешательства государства в экономику и значительное сокращение его предпринимательской деятельности. Планировалось провести приватизацию поэтапно, она должна была затронуть 400 государственных компаний из 550, которые тунисские власти не относят к числу стратегически важных.

К середине 80-х годов стало ясно, что госпредприятия поглощали большие финансовые ресурсы, а отдача от них была незначительной. В 1970–82 гг. государство выдало госсектору кредиты на сумму 126,3 млн. тун. динаров. Доля бюджетных средств, выделенных госпредприятиям, выросла с 9,8% ВВП в 1981 г. до 12,2% в 1984 г.² Гораздо выгоднее было направить эти деньги на развитие базовой инфраструктуры и сферы услуг, а ряд малорентабельных госпредприятий отдать в частные руки, что благоприятно сказалось бы на росте частной инициативы, развитии финансового рынка и либерализации экономики. Приватизация госпредприятий стала также необходимым условием для получения международной помощи. Вместе с тем изначально подразумевалось, что стратегические отрасли останутся в руках государства. С момента осуществления либеральных реформ роль государства ограничивалась развитием трудовых ресурсов, модернизацией базовой инфраструктуры, сферой общественных услуг и содействием росту конкурентоспособности тунисской экономики с помощью принятия соответствующих законов. Частному сектору отводилась движущая роль в решении основных хозяйственных задач.

Юридической основой приватизации являются закон от 1 января 1989 г. «О приватизации предприятий» с дополнениями от 1994 и 1996 гг., а также закон от 30 декабря 1989 г. «О реструктуризации государственных предприятий». Приватизация в Тунисе осуществляется в форме продажи основных активов, акций, слияния или поглощения, участия в капитале через дополнительную эмиссию акций, а также концессий. Продажа пакетов акций на аукционах или фондовой бирже обычно используется предприятиями со стабильным финансовым положением и потенциально выгодным производством. Такая форма приватизации позволяет увеличить число держателей акций, в том числе через выпуск новых ценных бумаг и активизировать финансовый рынок. Концессии обычно используются при приватизации крупных госпредприятий или осуществлении масштабных проектов. Предполагалось, что 70% акций госпредприятий будут куплены тунисскими физическими и юридическими лицами, 20% – иностранными инвесторами и 10% – персоналом приватизируемых компаний³.

Всего с 1987 г. по 2001 г. в Тунисе было приватизировано 158 предприятий, а доход государства от этих операций составил 1497 млн. тун. динаров, из них 970 млн. пришлось на иностранные инвестиции⁴. В

1987–1994 г. было приватизировано 38 предприятий, в 1995–1997 гг. – 45, а в 1999 г. – 73 предприятия⁵. К крупнейшим госпредприятиям, которые должны приватизироваться в 2001–2003 гг., относятся Международный банковский союз, банк, в котором государству принадлежит 52% капитала, Тунисское страховое общество «Ллойд Тюнизен», Национальное общество распределения нефти, «Тюнизи Телеком», компания «Ототрактор» и др. Доля национальных инвесторов в доходах от приватизации составила на конец 2001 г. 35%, в то время как доля иностранных инвесторов достигла 65% (в 1987–1997 гг. она составляла лишь 18%)⁶. На первое место вышли португальские компании (почти 37% всех доходов от приватизации или 552 млн. тун. динаров) после покупки контрольного пакета акций двух цементных заводов, на второе – испанские фирмы (11% или 168 млн. тун. динаров)⁷.

В 2001–2002 гг. планировалось дальнейшее участие иностранных инвесторов в программе приватизации тунисских предприятий – примерно в размере 350 млн. тун. динаров. Предусматривается передача в частные руки еще 2 цементных заводов, 2 текстильных фабрик, судовой верфи, ряда гостиниц, участие иностранных инвесторов в строительстве электростанции в пригороде столицы г. Радесе, в телекоммуникационных проектах, авиаперевозках и др.

Более 50% всех доходов получено от приватизации предприятий по производству стройматериалов, 18% приходится на туристическую отрасль и традиционные народные промыслы, 9% – на торговые предприятия, 8% – на транспорт, 6% – на химическую и электромеханическую промышленность, 5% – на сельское хозяйство, 1% – на текстильную отрасль⁸.

Приватизация госпредприятий болезненно сказывается на социальной сфере, так как их передача в частные руки часто сопровождается увольнением рабочих и служащих, что влечет за собой увеличение различных выплат, включая социальные. Часть уволенных служащих вынуждена уходить на пенсию с 50 лет, для остальных предусматривается переподготовка на специальных курсах. Вместе с тем, как показало изучение деятельности 30 приватизированных предприятий, повышение их рентабельности привело к росту деловой активности в среднем на 5%, созданию 500 новых рабочих мест, на 40% вырос объем их производства, на 30% – экспорт. В настоящее время в Тунисе насчитывается чуть более 6 тысяч частных предприятий, из них 4 291 относится к предприятиям, где работают более 10 человек⁹.

Более 50% мелких и средних фирм занято в текстильной и кожевенной отраслях, в основном это семейные предприятия, имеющие крупные задолженности перед банковскими учреждениями. 12% всех частных фирм имеют статус открытых компаний, остальные относятся к обществам с ограниченной ответственностью. Важнейшей составляющей программы структурной перестройки является стимулирование частных национальных капиталовложений. Доля частных инве-

стиций в общем объеме вложенных в экономику Туниса средств выросла с 48% в 1987 г. до 52% в период выполнения IX плана социально-экономического развития и должна достигнуть 57% в рамках X плана (2002–2006 гг.)¹⁰. Общая сумма инвестиций в экономику страны, предусмотренная этим 5-летним планом, должна составить 47 млрд. тун. динаров (34 млрд. долл.). Из них 7095 млн. тун. динаров планируется направить в обрабатывающую промышленность, 5092 млн. – на развитие транспорта, 4 366 млн. – в энергетический сектор, 2200 млн. – на сельское хозяйство и рыболовство, 3000 млн. – в социальную сферу, 2840 млн. – на развитие телекоммуникаций и других информационных технологий, 2000 млн. тун. динаров – на дорожную инфраструктуру. Кроме того, Тунис рассчитывает в 2002–2006 гг. привлечь иностранные инвестиции объемом в 3,6 млрд. долл. в традиционные отрасли, сферу услуг, инфраструктуру и др. Планируется также получить 4,3 млрд. долл. в форме грантов и кредитов на льготных условиях для осуществления программ структурной перестройки, реализации проектов инфраструктуры, защиты окружающей среды, а также здравоохранения и образования¹¹.

В 2000 г. частные инвестиции составили 3706 млн. тун. динаров, что на 13,5% больше, чем в 1999 г. За этот же период государственные капиталовложения выросли на 12% и достигли 2244 млн. тун. динаров¹². Более 50% всех частных инвестиций, включая иностранные, направлялись в 1999–2000 гг. в сферу услуг, что свидетельствует о том, что традиционные отрасли постепенно теряют свою инвестиционную привлекательность. По некоторым данным, общий объем частных национальных инвестиций вырос в реальных ценах в 1987–2000 гг. примерно в 3 раза, в том числе и благодаря развитию системы национального сбережения. Доля национального сбережения в ВВП выросла с 15,6% в 1986 г. до 22% в 1991 г. и достигла почти 25% в 1999–2000 гг. За счет национального сбережения покрывалось 68% потребностей в финансировании тунисской экономики в ходе выполнения IX плана, эта цифра в рамках X плана должна достигнуть 72%¹³. Ежегодный доход на душу населения в среднем в 1986–1996 гг. рос на 2,6% и составил в 1986 г. 800 тун. динаров (830 долл.), 1800 тун. динаров (примерно 1800 долл.) – в 1996 г. и достиг 2700 динаров (2000 долл.) в 2000 г., несмотря на падение за последние 5 лет курса динара по отношению к доллару на 45%¹⁴. По официальным данным министерства социальных дел, более 70% населения Туниса можно причислить к среднему классу, 22,5% – к малообеспеченным семьям и около 6% – к бедным¹⁵. Созданные за последние 15 лет благоприятные условия для частной деятельности привели к увеличению численности мелких и средних предпринимателей. По некоторым оценкам, к ним можно отнести примерно 700 тыс. человек.

Активное развитие новых высокотехнологичных и телекоммуникационных отраслей дало толчок росту инвестиций в этот сектор эко-

номики. В 1987–1991 гг. они составили 400 млн. тун. динаров, в 1998–2001 гг. достигли 1500 млн. или около 1 млрд. долл.¹⁶ Если в начале 90-х годов на местном рынке информационных технологий и телекоммуникаций главную роль играли западноевропейские и американские компании, то в последние годы наметился рост числа туниССких частных компаний, специализирующихся в этой области, приносящей более высокие доходы, чем традиционные такие отрасли, как легкая и электротехническая. В качестве примера можно привести крупную компанию «Сэрэс», созданную еще 35 лет назад К.Бен Смаилом, бывшим главным редактором журнала «Жен Африк». Первоначально она занималась издательским и гостиничным бизнесом, а с середины 90-х годов – рекламой и коммуникационными услугами. Проведенное в 2000 г. международной аудиторской фирмой Баллестер исследование показало, что фирма «Сэрэс» вышла на первое место на туниССком рынке коммуникаций. Среди ее клиентов ведущие туниССкие авиакомпании «Тунисэр» и «Нувельэр», крупная сеть магазинов «Монопри», филиалы французской фирмы «Аккор» и немецкой «Хенкель». С 1990 по 2000 гг. оборот фирмы вырос с 250 тыс. тун. динаров до 7,7 млн. динаров (примерно 6 млн. долл.)¹⁷.

Другим примером адаптации туниССкого частного бизнеса к новым экономическим требованиям является компания «Пикософт», занимающаяся внедрением информационных технологий, в том числе – Интернета. Она была создана в конце 1999 г. Имедом Хашиша, получившим образование в Германии. Ее оборот составлял в 2000 г. 336 тыс. динаров, в 2001 г. – 500 тыс.¹⁸ Эта фирма, в составе которой не более 20 высококвалифицированных специалистов, сумела разработать новые компьютерные программы МейлМенеджер и ИзоМенеджер, которые довольно успешно продаются на местном рынке и стоят в 3–4 раза дешевле аналогичной продукции американских фирм.

Поддержание высоких темпов роста за последние годы во многом связано с диверсификацией экономики Туниса, в первую очередь за счет сферы услуг, роста производительности труда и постоянного повышения конкурентоспособности. В период выполнения VIII плана социально-экономического развития страны (1992–1996 гг.) среднегодовые темпы экономического роста составляли 4,6%, IX плана (1997–2001 гг.) – 5,3%, в X плане предусматриваются ежегодные темпы прироста ВВП 5,5% и рост экспорта 6% в год. По уровню конкурентоспособности страна в 2000 г. вышла на первое место среди африканских стран. Этому также способствовала программа модернизации туниССких предприятий, которую начали осуществлять с 1996 г. Программа охватывает около 2000 предприятий с числом занятых от 20 и более человек и с основным капиталом не менее 225 тыс. долл. Половина их работает на экспорт. Упор на экспортоориентированные фирмы сделан потому, что развитие национального промышленного экспорта является приоритетным направлением внешнеэкономиче-

ской политики Туниса. В экспортные отрасли направляется почти 1/2 всех инвестиций, там создается половина новых рабочих мест. Вместе с тем до сих пор ведущее место в экспорте страны занимает продукция оффшорных (60–65% экспорта за последние 5 лет), а не национальных предприятий. Расширение ЕС за счет восточноевропейских стран, отмена некоторых ограничительных соглашений, например по текстилю, приведет в ближайшие 2–3 года к росту конкуренции на мировых рынках, которую тунисские предприятия не смогут выдержать без модернизации своего производства и улучшения качества продукции.

По данным тунисского Бюро модернизации промышленности, на конец сентября 2000 г. на той или иной стадии осуществления этой программы находилось 1483 предприятия. В настоящее время 58% компаний, охваченных программой модернизации, относятся к мелким и средним фирмам с числом занятых менее 100 человек. Около 30% всех инвестиций, намеченных программой, планируется направить в аграрный сектор, 32,3% – в текстильную промышленность, 14% – для строительных фирм и в производство изделий из керамики и стекла, 13% – в электротехническую отрасль. 76% всех модернизирующихся предприятий сосредоточено в крупных промышленных центрах (Тунис, Сфакс, Сус, Набель, Бен Арус)¹⁹.

Одна из целей программы – переориентация деятельности некоторых фирм. Так, за 4 года реализации программы 38% охваченных ею фирм стали работать на экспорт. По некоторым данным, рост производства на предприятиях, находящихся в стадии модернизации, составил в 1999 г. 15%, их экспорт вырос на 13%, а число занятых – на 6,6%²⁰.

На 13-м конгрессе Тунисского союза по промышленности, торговле и народным промыслам (октябрь 2001 г.) отмечалось, что несмотря на либеральные экономические реформы, высокие темпы экономического роста в 5% в среднем за последние десять лет, рост притока иностранных инвестиций и прогресс в развитии частного бизнеса, появились первые признаки перегрева тунисской экономики. Высокие цены на нефть, продолжающаяся уже 4 года засуха, снижение активности в туристической отрасли после событий 11 сентября 2001 г., предстоящее расширение ЕС на восток и постепенная отмена к 2008 г. пошлин на ввозимую из Евросоюза промышленную продукцию безусловно отразится в ближайшее время на конкурентоспособности тунисской экономики. Решить эти проблемы только с помощью активизации частного сектора и иностранных инвестиций вряд ли удастся. Частные инвестиции пока составляют лишь 52% всех капиталовложений в экономику, в то время как в большинстве других стран с развивающимся рынком (emerging market countries) этот показатель превышает 70%.

Частные предприниматели не очень хотят вкладывать свои деньги в производственную сферу, а предпочитают сферу услуг и отрасли

с высокой оборачиваемостью капитала. Текстильной промышленности, принадлежащей в основном частному и иностранному капиталу, угрожает конкуренция со стороны таких стран, как Марокко (также подписавшее с ЕС соглашение об ассоциации), с более низкими издержками производства и дешевой рабочей силой, а также со стороны вступающих в ЕС в 2004 г. восточноевропейских стран с развитой легкой промышленностью. К тому же значительная часть текстильных предприятий работает в свободных зонах и в оффшорном режиме в основном на экспорт и часто является простыми субподрядчиками европейских фирм, поэтому их вклад в развитие национальной экономики невелик. Кроме того, многие частные предприниматели предпочитают работать «под крышей» смешанных компаний, учитывая ярко выраженную экспортную ориентацию тунисской экономики, что, конечно, способствует росту занятости, но в меньшей степени развитию национальной экономики и внутреннего потребления. Что касается мелких фирм, то большинство из них характеризуется ограниченностью средств, отсутствием предпринимательских навыков и часто является семейными предприятиями.

Несмотря на ослабление роли тунисского государства в экономике после принятия программ либерализации и структурной перестройки экономики, а также приватизации госпредприятий, оно продолжает через планирование косвенно влиять на хозяйственное развитие и на общество в целом. Отмена пошлин на 40% импорта из ЕС, снижение налогообложения предприятий уменьшили доходы государства, и в его руках осталось меньше рычагов влияния, в том числе и на частный сектор. Приватизация лишила государство мощной производственной базы, но в его руках пока остается базовая инфраструктура, в создании которой оно добилось значительных успехов, благоустройство городов, социальная политика, а также разработка основных экономических направлений с помощью пятилетних планов социально-экономического развития страны, а также законов, регулирующих хозяйственную деятельность.

¹ Realites № 744, 23–29 mars 2000, с. 28.

² Ibid.

³ Tunisia: a country that works. Foreign Investment Promotion Agency (FIPA) 1999, с. 16; J.A./l'Intelligent № 2149, 18–24 mars 2002, с. 72.

⁴ Statistiques sur l'économie tunisienne, février 2002, Ministère de la Coopération Internationale et de l'Investissement Extérieur (MCIIE) 2002.

⁵ Ibid, J.A./l'Intelligent № 2087, 9–15 janvier 2001.

⁶ Statistiques sur l'économie tunisienne, février 2002, MCIIE 2002.

⁷ Jeune Afrique, № 2038 1–7 février 2000.

⁸ Realites № 789, 8–14 février 2001, с. 25.

⁹ Realites № 744, 23–29 mars 2000, с. 29; La Presse, 4 décembre 2000.

¹⁰ Rapport Annuel de la Banque Centrale de Tunisie 1999, 2000.

¹¹ L'Economiste magrebin № double 330/331, janvier 2003 c. 12–13; La Presse, 3 juillet 2002.

¹² J.A./l'Intelligent, № 2098, 27 mars – 2 avril 2001, c. 59.

¹³ Tunisia: a country that works. FIPA 1999, c. 20, Rapport Annuel de la Banque Centrale de Tunisie 2000, La Presse, 3 juillet 2002.

¹⁴ Realites № 724, 4–10 novembre 1999.

¹⁵ Rapport Annuel de la Banque Centrale de Tunisie 2000, № 2130, 6–12 novembre 2001, c. 56.

¹⁶ J.A./l'Intelligent, № 2098, 27 mars – 2 avril 2001, c. 64.

¹⁷ J.A./l'Intelligent, № 2130, 6–12 novembre 2001, c. 75.

¹⁸ Ibid, c. 76.

¹⁹ Realites, № 776, 9–15 novembre 2000.

²⁰ Realites, № 730, 16–22 décembre 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Г.Ланда ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	3
М.З.Ражабадинов НОВЫЕ ФОРМЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК СУННИТСКОГО ТОЛКА	15
В.Н.Москаленко ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В ПАКИСТАНЕ	24
М.Ю.Морозова ПАКИСТАН В АНТИТАЛИБСКОЙ КОАЛИЦИИ (ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ СТРАТЕГИЮ МУШАРРАФА)	35
В.Я.Белокреницкий ПУШТУНЫ И БУДУЩЕЕ ПАКИСТАНА	46
И.В.Жмуйда КОРРУПЦИЯ В ПАКИСТАНЕ	54
М.Ю.Морозова ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАКИСТАНА: СТРАТЕГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	61
К.З.Набиев, М.Р.Арунова ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА АФГАНИСТАНА	72
В.Г.Коргун АФГАНИСТАН 2002: ВРЕМЯ ОЖИДАНИЙ И ТРЕВОГ (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	81
Ю.П.Лалетин ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ	96
А.Д.Эпштейн ПОВТОРНЫЙ ТРИУМФ АРИЭЛЯ ШАРОНА. (АНАЛИЗ ИТОГОВ ВЫБОРОВ В КНЕСЕТ И ПЕРСПЕКТИВ ТРИДЦАТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗРАИЛЯ)	107
Дан Шифтан ПАЛЕСТИНСКИЙ ВЫЗОВ ЕВРЕЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ (НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИЗРАИЛЬСКИХ АРАБСКИХ ПОЛИТИКОВ)	135
А.Я.Клява ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР ПАЛЕСТИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ	161
Р.С.Абдулмажидов РАЗВИТИЕ ЕГИПЕТСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ	195
А.А.Шилин ОБ ИРАКСКОЙ И ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМАХ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ	209
А.М.Мустафин РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УРОКАХ «СТРАННОЙ» РЕВОЛЮЦИИ	216
С.М.Задонский РАЗВИТИЕ ИРАНО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	224

А.Я.Богуславский ОБ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ	232
В.П.Юрченко ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО США С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)	246
Е.С.Мелкумян СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ	267
Г.Г.Косач КОММУНИСТЫ В БААСИСТСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРИМЕР СИРИИ	277
В.М.Ахмедов ПАРТИЯ И ВЛАСТЬ В СИРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ	326
В.Ф.Щенников ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИОРДАНИИ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	356
К.З.Хамзин СОБЫТИЯ В МААНЕ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ ИОРДАНСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	367
И.В.Ильин О ПОЛИТИКЕ ПРИВАТИЗАЦИИ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ	387
Г.Л.Гукасян ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ	395
И.В.Логинов О РОДОПЛЕМЕННОЙ СТРУКТУРЕ САУДОВСКОГО ОБЩЕСТВА	407
З.А.Соловьева О ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ В АРАБСКОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛЖИРА И МАРОККО)	415
Э.В.Павлуцкая СТАНОВЛЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАГРИБЕ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СТРАНЫ	424
М.Назири МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	432
М.А.Ас-Саид РОЛЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	442
Г.И.Смирнова ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЛИВИИ	450
О.Е.Трофимова ЧАСТНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ТУНИССКОЙ ЭКОНОМИКИ	463

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
 80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
 81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
 82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
 83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
 84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
 85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
 86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
 87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
 88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
 89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
 90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
 91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
 92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.
- ## 2003 г.
93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** " Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Сборник.
102. "Иран и СНГ". Сборник.
103. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
 31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
 32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
 34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
 37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
 38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
 39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
 40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
 42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
 43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State
Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
102. "Iran and CIS" (collection of essays)
103. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 28.07.2003 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 30,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 82

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»